

ЮДОВА ИРИНА

КОРОНА ТЬМЫ

Ирина Юдова
Корона тьмы

«Автор»

2026

Юдова И.

Корона тьмы / И. Юдова — «Автор», 2026

Они нарушили всего один закон — полюбили друг друга. Парос — нурлакс, рождённый для неба и подчинённый древним правилам своего народа. Пэя — человек, которой не было места среди тех, кому принадлежат крылья. Их любовь стала преступлением. Их ребёнок — угрозой самому порядку мира. За свой выбор они заплатят всем. Но то, что начинается как история запретной любви, вскоре становится началом куда более страшных событий. Старые законы рушатся. Древние народы выходят из тени. Ведьмы, нурлаксы, люди и драконы оказываются втянуты в борьбу, в которой уже невозможно остаться в стороне. А в центре этой истории — Лаурил. Тот, кому однажды придётся решить, кем он станет: спасителем мира, который отверг его семью, или его погибелью. Потому что иногда тьма не рождается сама. Иногда её создают те, кто слишком долго называл себя праведниками. Мрачное фэнтези о любви и предательстве, власти и мести, древней магии и выборе, после которого уже невозможно вернуться назад.

© Юдова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	6
Пролог	9
Глава 1	11
1. Замок правосудия	11
2. Изгнанные небом	13
3. Пэя	15
4. Парос	17
5. Во имя любви	19
6. Дерек	21
7. Дочери камня и моря	24
8. Рождённая охотиться	26
9. Таверна	28
10. Рендел	30
11. Домик травницы	32
12. Тропа хищника	34
12. Пещера	36
13. Смерть и верность	39
14. Венчание	41
15. Огонь и пепел	43
Глава 2	46
1. Падшие с небес	46
2. Кьяна	48
3. Пламя изгнания	51
4. Чёрный лес	54
5. Зов леса	57
6. Врата Рижецфорта	60
7. Испытание правдой	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ирина Юдова

Корона тьмы

Корона тьмы

Оглавление

Пролог

Глава 1

1. Замок правосудия
2. Изгнанные небом
3. Пэя
4. Парос
5. Во имя любви
6. Дерек
7. Дочери камня и моря
8. Рождённая охотиться
9. Таверна
10. Рендел
11. Домик травницы
12. Тропа хищника
12. Пещера
13. Смерть и верность
14. Венчание
15. Огонь и пепел

Глава 2

1. Падшие с небес
2. Кьяна
3. Пламя изгнания
4. Чёрный лес
5. Зов леса
6. Врата Рижецфорта
7. Испытание правдой
8. Скрытая долина
9. Спящие узы
10. Тени прошлого
11. Цена молчания
12. Запретная книга
13. Пепел прошлого
14. Падение долины
15. Падение Рижецфорта
16. Война магов
17. Сто зим во тьме
18. Анна

Глава 3

1. Разрушенный покой
2. Когда стая в сборе
3. Песнь украденной души
4. На борту «Зари»

Глава 4

1. Море примет твою душу
2. Когда гаснет свет

Глава 5

1. Город в камне
2. Свет у костра
3. Горечь правды
4. Цена утраты
5. Дыхание холода
6. Дети новой крови

Глава 6

1. В порту лжецов и королей
2. Под прицелом
3. За Пенкарскую линию
4. Там, где спят драконы

Глава 7

1. Корона и старейшины
2. Пока не пришло время
3. Стражи драконьих земель
4. Пробуждение Гордара
5. Цена спасения

Глава 8

1. Пять королевств
2. Королевство Эйтан
2. 1 Младшая сестра
2. 2 Любить — не значит жениться
2. 3 Аудиенция у короля
3. Маргон
4. Под тремя дубами
5. Новые союзы
6. Каменный перевал

Глава 9.

7. Гробница ожидания
8. Тот, кто ждал во тьме
9. Пробуждение
10. Цена освобождения
5. Венец тьмы
6. Союз тьмы

Глава 10

1. Драконы
2. Прах и крылья
3. Рождённый вопреки
4. Когда молчали горы
5. Пробуждение клятвы

Глава 11

1. Грозное небо
2. Кровавый дождь
3. День Пяти Тронов
4. Трещина в союзе
5. Не угроза, а возможность
6. Ночь после совета

Глава 12

1. Знамение крови

2. Снятые маски

3. Выбор Рендела

4. Предатель ли?

Глава 13

1. Противостояние

2. Ультиматум

3. Последствия

4. Тот, кого признала тьма

5. Они держали ответ

6. Слишком близко

7. Удар в темноте

8. Решения

Глава 14

1. Преддверие

2. Голос неба

3. Первая кровь

4. Магия

5. Ловушка захлопнулась

6. Конец эпохи

7. Перелом

8. И вспыхнут небеса

9. И настал рассвет

Глава 15

1. Поминальные костры

2. Марш новой жизни

3. Рижецфорт. Общий сбор

4. Даниэль-Алия

5. Утро

6. И он заговорил

7. Последние условия

8. Что есть милосердие

9. Казнь

10. Корона тьмы

11. Да будет мир

Пролог

Я Хранитель волшебной пыли Времени. Моё имя давно стёрлось из людской памяти, но я помню каждую искру, с которой возник этот мир, и потому могу рассказать историю, которую пережили звёзды, ветры и сама смерть. Эта история о тех, кто любил, творил, предавал, надеялся и верил, о тех, кто когда-то был такими же, как вы.

Мы все приходим в этот мир не случайно, потому что у каждого есть своя цель, своя миссия и своя роль, и здесь это понимают с рождения.

Рижецфорт — место, где рождаются легенды о людях особого рода, где реальность пересекается со сказанием, а сама природа подчиняется иным законам. Растения и животные здесь связаны между собой особой экосистемой, которую питает волшебство.

Ещё до начала времён на всей Земле была лишь вода, пока однажды огромный метеорит не принёс с собой магию космоса, положив начало новой жизни. Первыми, кто удостоился дара неба родиться здесь, из небесной пыли, стали ящеры — огромные, порой гигантские существа, свободные и независимые. Им не нужно было строить города или создавать цивилизации, потому что вся планета принадлежала им.

Они правили этой землёй, наслаждаясь её дарами, и по-настоящему властвовали лишь те, кто освоил землю, воду и небеса. Крылатые гиганты стали управленцами мира: справедливыми и мудрыми, сильными и проворными. Они были уверены, что так будет всегда, что солнце будет восходить и заходить неизменно, а мировой порядок останется нерушимым.

Однако не все были согласны с таким устройством мира. Среди ящеров находились те, кто жаждал власти, но не мог изменить существующий порядок, и тогда один из них воззвал к небесам, прося помощи, и небо ответило.

Метеорит уничтожил почти всё живое на Земле. Казалось, спасения нет, однако вместе с разрушением прежнего мира он принёс новую жизнь — и имя ей было человек.

Люди казались странными и хрупкими: их кожа не была покрыта чешуёй, а тело — шерстью, которая казалась лишней в мире вечного тепла. Они отличались от всего, что существовало прежде, и именно поэтому вызывали страх и недоверие.

С этого момента мир начал меняться.

Люди и ящеры пытались сосуществовать, но было очевидно, что их природа слишком различна. Затем пришло оледенение, и Земля дважды пережила перерождение, оставив в живых лишь тех, кто сумел приспособиться к новым условиям жизни и объединиться.

Именно тогда был подписан «Акт о Жизни» между человеком и рептилией.

Вожак одного из племён ящеров и лидер человеческого рода заключили союз ради выживания и защиты от тех, кто стремился уничтожить остатки мира. Однако самым сложным оказалось не само соглашение, а то, что последовало за ним.

Сближение двух столь разных биологических видов привело к тому, что граница между ними была нарушена, и первые попытки соединить их природу оказались далёкими от совершенства: не всё выживало, не всё поддавалось контролю, и сама жизнь словно сопротивлялась такому вмешательству в неё.

И только спустя время, используя волшебную пыль, оставшуюся от небесного тела, человек и ящер смогли создать новый биологический вид.

Этот вид получил имя нурлакс — не просто как обозначение, а как знак завершённого перехода, в котором удалось соединить силу, выносливость и разум, способный удерживать эту силу под контролем. Нурлаксы унаследовали знания, культуру и память своих создателей, а вместе с этим — ответственность за сохранение мира.

Со временем изменения проявились и во внешности нурлаксов.

Их тела сохранили человеческую основу, но стали выше, плотнее и выносливее. Кожа приобрела иной оттенок — от бледно-серого до тёмного, почти цвета камня, а на плечах, спине и предплечьях проступила тонкая чешуя, не мешающая движениям, но подчёркивающая их двойственную природу.

Их глаза особенно отличались: зрачок оставался человеческим, но радужка могла менять оттенок в зависимости от внутреннего состояния, переходя от холодного серебряного к насыщенному янтарному или глубокому тёмному цвету.

За их спинами развевались крылья — широкие и сильные, способные выдерживать длительный полёт. Именно крылья стали главным признаком нурлаков, который невозможно было скрыть, и символом права принадлежать небу.

Нурлаки были созданы для сохранения мира.

Им было велено править справедливо, не начинать войн, защищать слабых и хранить тайну своего происхождения.

Однако не все приняли это решение.

Часть ящеров отказалась от нового порядка и ушла в Мёртвые Земли, где их история закончилась — они вымерли. Люди же занялись освоением мира, и многие из них даже не знали о существовании нурлаков.

Прошли годы, затем столетия и века, и мир изменился до неузнаваемости.

Люди строили города, создавали государства и устанавливали свои законы. Нурлаки долгое время оставались наблюдателями, не вмешиваясь в происходящее, однако напряжение между этими двумя народами росло, и люди начали нападать на поселения нурлаков.

Тогда нурлаки приняли решение изменить свою жизнь. Они установили контроль над своими территориями, приняли свои законы и перестали править людьми, став хранителями лишь своего народа.

Люди, жившие рядом с ними, дали клятву жить в мире и не нарушать границы.

Так установилось равновесие, в котором одни строили, разрушали, воевали и исчезали, а другие сохраняли, наблюдали и жили, не вмешиваясь в жизни друг друга.

Единственным местом, где нурлаки оставались полноправными хозяевами, было небо, потому что ни один человек не мог летать или извергать огонь.

Так зародилась жизнь, которую вы когда-то знали, но в которой уже не живёте.

Теперь я передаю эту историю тебе, как однажды передали её мне. Разверни страницы — и ты окажешься в мире, неподвластном времени и пространству, в истории любви, верности, предательства и надежды.

И помни: то, что ты узнаешь, изменит тебя.

Глава 1

1. Замок правосудия

В тот день, когда во Дворце Мудрости собрался совет, даже воздух в зале ощущался иначе — плотнее и холоднее, словно сам мир затаил дыхание в ожидании решения, которое должно было изменить гораздо больше, чем судьбы отдельных людей.

Высоко над залом, на каменном выступе сидела девочка и болтала ногами, внимательно наблюдая за происходящим внизу.

— Папа, а что такое выбор? — спросила она, не отрывая взгляда от центра зала. — Почему все говорят о нём так, будто он важнее самой жизни?

Мужчина, стоявший рядом, наклонился к ней чуть ближе.

— Потому что иногда выбор и есть жизнь, — ответил он тихо. — И именно от него зависит, кем ты станешь.

Девочка задумалась, сжав пальцы на краю выступа, и больше вопросов не задавала.

Внизу, в центре зала, находились трое. Парос и Пэя стояли, при этом на руках у матери, укутанный в ткань, спал ребёнок, не подозревая, что его судьба уже стала предметом спора. Они сделали свой выбор задолго до этого дня.

Теперь выбирать предстояло не им.

Зал был высечен в белом камне утёса, и свет, падающий из узких окон под куполом, ложился на фигуры старейшин холодным серебристым отблеском. Их тела, покрытые тонкой чешуёй, казались неподвижными, словно высеченными из того же камня, а сложенные за спинами крылья придавали им ещё большую монументальность.

Лица были лишены привычной человеческой мягкости, но в глазах сохранялся разум, в котором не было ни сомнений, ни колебаний. Они не выглядели жестокими. Но и милосердными их назвать было невозможно.

— Это правило было нарушено тобой, Парос, — произнёс один из старейшин Крилл. Его голос прозвучал спокойно, без повышения интонации, но в этой ровности чувствовалась сила, не допускающая возражений.

Парос не опустил взгляд.

— Да.

В разговоре возникла пауза, но никто не спешил её прерывать.

— Ты вступил в связь с человеком.

— Да.

Пэя сжала его руку сильнее, и он ответил тем же, не оборачиваясь к ней.

— Ты осознаёшь последствия?

Парос выдержал взгляд старейшины.

— Осознаю.

Это было не до конца правдой. Потому что последствия только начинались.

Крилл задержал на нём взгляд чуть дольше, чем требовалось, затем перевёл его на Пэю.

— Ты подтверждаешь это?

Пэя подняла голову.

— Да.

Её голос прозвучал тихо, но в нём не было ни страха, ни сомнения.

Старейшины не обменялись взглядами. Им не нужно было подтверждение или одобрение.

— Совет удаляется для вынесения решения, — произнёс Крилл.

Девять фигур поднялись одновременно, их движения были синхронными и точными, словно подчинёнными одному ритму. Крылья слегка разошлись, затем снова сложились, и через несколько мгновений старейшины скрылись за массивными дверями.

Зал погрузился в тишину. Она была не пустой, а давящей.

Пэя вдохнула глубже, но дыхание всё равно сбивалось. Парос стоял неподвижно, глядя на закрытые двери, за которыми решалась их судьба.

Он уже понимал, чем закончится суд. И всё же надеялся на лучшее.

Наверху девочка снова наклонилась вперёд.

— Папа... — прошептала она. — Они ведь не убьют их?

Мужчина ответил не сразу. Он смотрел вниз, на троих в центре зала, и в его взгляде на мгновение появилось то, чего не было у старейшин — сомнение в своем решении.

— Нет, — сказал он наконец. — Хуже.

Девочка нахмурилась, не до конца понимая смысл этих слов, но больше ничего спрашивать не стала.

Внизу Пэя закрыла глаза на короткое мгновение, словно собираясь с силами, а затем снова посмотрела вперёд.

Парос почувствовал это движение и слегка сжал её руку. Он не мог изменить происходящее. Но сейчас было достаточно того, что он мог остаться рядом.

За дверями послышался глухой звук шагов. Совет возвращался.

2. Изгнанные небом

Когда двери зала раскрылись вновь, сомнений уже не оставалось: решение было принято ещё до того, как старейшины отправились совещаться. Теперь они вернулись на свои места и им лишь предстояло огласить вердикт вслух.

Они двигались так же синхронно, как и прежде, занимая свои места без лишних жестов и взглядов, и в этой слаженности ощущалась не только дисциплина, но и привычка выносить приговоры, которые не подлежат обсуждению.

Пэя сильнее сжала руку Пароса, словно пыталась удержать не его, а саму возможность остаться в прежнем мире, который уже начинал ускользать от них.

Парос стоял неподвижно, не опуская взгляда и не позволяя себе отступить даже на мгновение, хотя понимал: всё, что сейчас прозвучит, изменить уже невозможно.

Крилл поднялся, и тишина в зале стала будто плотнее, словно все вокруг задержали дыхание, ожидая слов, которые определяют их судьбу.

Он не повышал голос, но именно его спокойствие делало каждую фразу значительной.

— За нарушение установленного порядка вы признаны виновными.

Слова прозвучали ровно, без нажима, и от этого воспринимались ещё тяжелее.

— Союз между нурлаксом и человеком запрещён, и вы осознанно нарушили этот закон.

Пауза, последовавшая за этим, не давала облегчения, потому что лишь подводила к тому, что действительно имело значение.

— Ребёнок будет изъят.

Пэя резко вдохнула, словно воздух внезапно стал чужим, и в тот же миг шагнула вперёд, прижимая к себе ребёнка, подчиняясь единственному импульсу — не дать отнять то, что принадлежало ей.

Стража оказалась быстрее. Уверенные, лишённые колебаний руки разомкнули руки Пэи, и ребёнок, укутанный в ткань, исчез из её рук прежде, чем она успела осознать происходящее. Её губы дрогнули, но крик так и не сорвался: боль оказалась глубже любого звука.

Парос удержал её рядом, не силой, а присутствием, давая опору, которой в этот момент не существовало больше ни в чём. Он не пытался остановить происходящее, потому что знал: в этом зале нет силы, способной изменить решение совета.

Крилл продолжил, не меняя ни тона, ни выражения:

— Вы будете изгнаны за пределы земель нурлаксов и лишены права возвращения.

Слова ложились точно и безошибочно, как удары, которые невозможно отразить.

— Вы лишаетесь права на небо.

И именно тогда смысл сказанного стал по-настоящему ощутимым, потому что для нурлакса небо было не просто пространством, а частью его сущности — тем, что определяло само его существование.

Парос медленно выдохнул, и в его взгляде впервые появилось неясное понимание утраты, которую невозможно восполнить.

Пэя повернулась к нему, и в её глазах не было страха, потому что её выбор был сделан задолго до этого дня.

— Я не уйду без тебя, — сказала она тихо, но так, что её слова не требовали подтверждения.

Крилл задержал на ней взгляд чуть дольше, чем следовало бы, словно проверяя её решимость.

— Тогда ты поделишь его судьбу.

— Я уже её поделила.

Ответ прозвучал спокойно и окончательно, не оставляя пространства для сомнений.

Парос сжал её руку, и этого оказалось достаточно, чтобы всё остальное потеряло значение.

Когда Крилл отдал приказ, стража двинулась вперёд без спешки, но с той уверенностью, которая не оставляет возможности сопротивляться. Их не связывали, потому что в этом не было необходимости, поскольку изгнание само по себе лишает сил бороться.

Их вывели через длинный коридор, где шаги отдавались глухо, а свет казался холоднее, чем прежде, словно сам замок уже перестал признавать их своими.

Когда двери закрылись за их спинами, тишина снаружи оказалась непривычной и чужой.

Пэя остановилась, будто не могла сделать следующий шаг, потому что всё, что составляло её мир, осталось по ту сторону каменных стен.

Парос поднял взгляд к небу и в этот момент осознал до конца: оно по-прежнему было над ними, но больше не принадлежало им.

Пэя стояла рядом.

3. Пэя

Пэя родилась в богатой и уважаемой семье городского купца и его супруги — племянницы мэра.

Её появление стало долгожданным чудом, и потому с первых дней она была окружена вниманием, заботой и надеждами, которые близкие возлагали на неё и которые со временем начали ощущаться почти так же ясно, как любовь.

Мать дарила ей тепло без условий, оберегала от лишних тревог и учила видеть в людях хорошее, даже когда это требовало усилий. Отец же относился к ней иначе: в его заботе всегда присутствовала требовательность, но он испытывал и чувство гордости, ожидая, что дочь станет достойной его имени.

Пэя рано поняла, что любовь может иметь границы. Пока она вела себя так, как от неё ждали, в доме царил покой. Но стоило ей проявить упрямство или поступить по-своему, как голос отца становился жёстким, а взгляд холодным. Он не поднимал на неё руку, однако в этом не было необходимости, потому что его слова умели ранить куда глубже, чем физическое воздействие.

С раннего детства у неё было всё, что принято считать счастьем: дорогие наряды, собственные питомцы, ухоженный сад и книги, которые открывали перед ней миры, находившиеся за пределами родного дома. И всё же свобода в этом мире имела предел.

Пэя росла доброй и чуткой, и с годами в её облике проявилась мягкая, живая красота. Рыжие волосы свободно ложились на плечи, не подчиняясь строгим причёскам, светлая кожа быстро покрывалась лёгким золотистым оттенком под солнечными лучами, а в голубых глазах жило искреннее внимание к окружающему миру. Она любила людей, однако слишком хорошо знала, как быстро доброту принимают за обещание большего. С животными всё было иначе: они не требовали соответствовать им, не оценивали и не заставляли притворяться, и рядом с ними Пэя чувствовала себя в безопасности.

Со временем это чувство превратилось в дело жизни. Ей нравилось заниматься травами, и она с увлечением изучала книги лекарей, собирала растения, запоминала их свойства и постепенно научилась лечить сначала животных, а затем и людей.

При всей своей практичности Пэя оставалась мечтательницей и верила в то, что у каждого человека есть предназначение, которое однажды проявится.

Когда ей исполнилось шестнадцать, родители начали подыскивать ей жениха, и сватовшихся к ней молодых людей было достаточно, чтобы сделать хороший выбор, однако её сердце оставалось равнодушным.

С каждым отказом напряжение в доме росло, и однажды отец сказал ей прямо, что её замужество — это договор, а не её выбор.

Пэя впервые не согласилась.

Этот разговор стал переломным, и вскоре её отправили в училище благородных девиц, где учили быть удобной и предсказуемой.

Она не смогла принять эту жизнь. Однажды она просто ушла из училища, не оставив ни объяснений, ни намерения возвращаться.

Так она оказалась в маленькой деревне у границы земель нурлаксов, где нашла приют у целительницы Анны и впервые почувствовала, что находится на своём месте.

Она лечила, училась и жила, не оглядываясь ни на кого.

В один из тёплых дней она отправилась за зверобоем в поле. Сначала она услышала странный звук. Затем увидела тень. А потом небо будто разорвалось. Налетел ветер, в воздухе возникло напряжение, и в следующую секунду с высоты рухнуло тело. Земля дрогнула.

Пэя бросилась вперёд и остановилась, узнав в лежащем существе нурлакса — того самого, от которого ей столько раз советовали держаться подальше. Страх был сильным. Но он не оказался сильнее желания посмотреть на нурлакса вблизи. Она подошла.

Юноша был ранен, его крылья обожжены, а дыхание неровно, и Пэя стала действовать быстро и точно, не позволяя себе думать о последствиях.

Она перевязывала раны, успокаивала его тихим голосом и оставалась рядом до тех пор, пока он не открыл глаза. Когда это произошло, их взгляды встретились. Пэя отвела взгляд первой. В его глазах было то, чего она никогда прежде не видела. Он смотрел на неё внимательно. Не оценивая и ничего не требуя.

— Постой, побудь здесь ещё немного, — тихо попросил он.

И она осталась. Потому что не смогла уйти. Ей не хотелось оставлять юношу одного. Потому что впервые её выбор принадлежал только ей.

4. Парос

Парос с детства знал, что его жизнь не принадлежит ему полностью.

Он родился в мире, где порядок был важнее его желания, а закон — важнее выбора, и с ранних лет понимал: сила, которой он обладал, не даёт свободы, а лишь увеличивает ответственность перед другими.

Его учили контролировать себя раньше, чем он научился доверять собственным чувствам. Ошибки не прощались, потому что считались не слабостью, а угрозой для душевного равновесия, которое нурлаксы сохраняли веками.

Он рос среди тех, кто не задавал лишних вопросов, и быстро понял, что задавать вопросы — первое, от чего стоит отказаться, если хочешь оставаться частью системы. Однако полностью от них отказаться не смог. Он наблюдал, запоминал и постепенно начинал замечать то, что другие предпочитали не видеть.

Нурлаксы говорили о справедливости, но избегали сомнений; утверждали, что защищают мир, но не задавались вопросом, от чего именно его защищают. Их законы были безупречны, однако именно эта безупречность постепенно вытесняла всё остальное — сомнения, чувства и право на ошибку.

Парос не спорил, но перестал верить в то, что у него нет в жизни выбора. Поначалу зарождающееся чувство было настолько слабым, что он почти не замечал его, однако со временем оно стало постоянным, подобно тихому шуму, который невозможно перестать слышать. Он продолжал выполнять то, что от него требовали: поднимался в небо, патрулировал границы и возвращался, не оставляя следов сомнений в своих действиях.

Снаружи он оставался тем, кем его видели. Внутри — уже нет. Небо было единственным местом, где он мог быть собой, потому что там не было ни голосов, ни взглядов, ни ожиданий, и именно там он впервые позволил себе не следовать чьему бы то ни было указанию, а чувствовать.

С высоты мир выглядел иначе: границы теряли чёткость, а различия, казавшиеся важными на земле, становились почти незаметными. И именно тогда он впервые задумался о том, что мир, который они так тщательно охраняют, может быть устроен иначе.

Эта мысль не исчезла, а осталась в его сознании.

В тот день он поднялся в небо, как делал это сотни раз до этого, не ожидая, что привычный полёт обернётся чем-то иным. Сначала всё было спокойно, даже слишком спокойно: воздух казался неподвижным, словно затаившимся, и это спокойствие не давало ощущения безопасности, а наоборот — настораживало. Парос почувствовал подобное раньше, чем смог объяснить своё ощущение, однако не придавал этому значения, потому что его внимание привлекло движение внизу.

Вдоль опушки бежал олень. Его движения были резкими и напряжёнными, как у существа, которое уже знает, что спасения нет. За ним мчались волки — быстро, слаженно и не давая ни малейшего шанса убежать от них.

Парос замедлил полёт и опустился ниже, наблюдая за происходящим. Он видел подобное множество раз, но в этот момент что-то заставило его задержаться дольше, чем следовало бы.

Олень метался, меняя направление, пытаясь сбить преследователей со следа, однако стая двигалась целеустремлённо словно единое целое, и было ясно: исход охоты волков уже определён. Более того, олень оступился, и волки тут же настигли его. Всё закончилось быстро. Без борьбы — лишь быстрая смерть.

Парос не отвернулся. Он смотрел до конца на жестокую картину, открывшуюся внизу, потому что понимал: именно так устроен мир, который они считают правильным. И именно

в этот момент он окончательно осознал, что в этой правильности нет свободы — есть только неизбежность происходящего.

Он задержался слишком долго. А когда юный нурлакс снова поднялся выше, небо уже изменилось. Сначала проявилось едва заметное напряжение в воздухе, затем произошло изменение ветра, который не усилился, а стал другим, нарушая привычную логику движения. Порыв пришёл резко, ломая ритм, и прежде чем он успел выровнять полёт, пространство вокруг словно сместилось, лишая его опоры. Парос попытался удержать высоту, но небо больше не подчинялось ему.

Следующий удар оказался сильнее предыдущего, и в нём было что-то неправильное, будто это была не просто стихия, а сила, действующая по чужим законам. Молния разрезала пространство так близко, что свет на мгновение ослепил, а грохот настиг сразу и ударил глубже, чем звук.

Крылья дрогнули, и сила, на которую он всегда мог опереться, исчезла настолько внезапно, что не оставила времени на сопротивление. Он попытался восстановить контроль над полётом, однако движения больше не давали результата, и в какой-то момент стало ясно: небо больше не принадлежит ему.

Высота уходила слишком быстро. Ветер больше не держал его. Он падал, сначала воспринимая падение как ошибку, допущенную им в полёте, которую можно исправить, затем — как неизбежность, и в конце — как факт, с которым уже нельзя спорить.

Земля приближалась стремительно, не оставляя ни времени, ни выбора что-либо сделать или предпринять.

И в последнем мгновении ясности он понял то, чего не осознавал раньше: небо, которое всегда было его силой, в этот раз стало тем, что его предало.

5. Во имя любви

Со временем тело Пароса полностью оправилось после падения и ударов молний: раны затянулись, ожоги сошли, крылья вновь обрели силу, и вскоре он снова поднимался в небо так же уверенно, как прежде.

Однако изменилось не только тело. Сначала это ощущалось как едва заметный сдвиг в привычном порядке мыслей — нечто лишнее, не поддающееся контролю. Он пытался игнорировать этот сдвиг, объяснять его усталостью, но с каждой встречей с Пэей это чувство возвращалось и становилось сильнее. До неё он не знал привязанности. Теперь он возвращался к ней снова и снова.

Сначала они только говорили. Их встречи происходили ночью, вдали от чужих глаз, там, где ни один из их миров не имел над ними власти. Они делились прошлым, страхами и тем, что ещё не обрело форму, и постепенно между ними исчезало расстояние, которое невозможно преодолеть словами.

Со временем слов стало меньше. Присутствие стало важнее разговоров.

Однажды он попытался не прийти на место свидания, но уже на следующий раз оказался там раньше неё. С этого момента он перестал сопротивляться. Им стало тесно в коротких встречах под луной. Им была нужна жизнь. И именно тогда между ними встали законы мироздания.

Парос искал выход, перебирая древние тексты и архивы, но не находил даже намёка на возможность союза между человеком и нурлаксом.

Пэя делала то же самое среди людей. И тоже ничего подобного не находила.

— Почему мы обязаны жить по правилам тех, кто нас не знает? — спросила она однажды.

Он не стал спорить. Ответ у него уже был.

— Я не должен был полюбить тебя, — сказал он тихо. — Но это произошло.

В его голосе не было ни борьбы с собой, ни оправдания — только признание.

Она осталась рядом. И этого ему хватало.

Ночь укрыла их так, словно сама старалась спрятать от мира то, что не должно было случиться. Они сидели рядом, слишком близко, чтобы возникшую близость можно было назвать случайностью, и слишком тихо, чтобы их общение было просто разговором.

Пэя первой почувствовала, как меняется воздух между ними. Она не отстранилась, когда его рука коснулась её — осторожно, неуверенно. Парос словно впервые узнавал, что значит быть рядом с человеком не как союзнику или другу, а как тому, кто стал для него чем-то большим. И так оно и было. Он провёл пальцами по её запястью, чувствуя тепло её кожи, и задержался, будто боялся потерять это ощущение.

Пэя смотрела на него, не отводя взгляда. В его глазах не было ни страха, ни давления — только внимание, к которому невозможно было остаться равнодушной.

В ответ она коснулась его. Её пальцы скользнули по его щеке, затем перебрались к шее, и она почувствовала, как от её прикосновения меняется его дыхание.

Он наклонился к ней. Их губы встретились мягко, почти осторожно. В этом первом поцелуе не было опыта. Только искренность.

Пэя замерла на мгновение, прислушиваясь к себе, а затем ответила на поцелуй, и сразу же исчезла последняя граница между ними.

Поцелуй стал глубже, теплее, живее. Парос коснулся её плеч, затем провёл руками по спине — медленно, будто запоминая каждое движение. Он не спешил. Юноша не знал как должно быть. И потому был бережен.

Пэя прижалась к нему, чувствуя его тепло и силу, которые не пугали, а, наоборот, давали ей ощущение безопасности.

Её руки скользнули по его груди, и она впервые осознала, насколько он настоящий — не как нурлак, не как часть чужого мира, а как человек рядом с ней.

Они учились друг у друга чувству любви. Через прикосновения. Через дыхание. Через тишину, в которой не было слов, но было понимание. И когда между ними больше не осталось расстояния, это произошло не внезапно. Это стало продолжением того, что уже началось между ними задолго до этого момента. Осторожно и неуверенно. Но без желания остановиться. Для них обоих происходящее между ними было впервые. И именно поэтому было таким важным.

...Когда всё стихло, они не сразу разомкнули объятия. Пэя лежала рядом, чувствуя его дыхание, и понимала, что прежней жизни больше не существует. Парос смотрел в темноту и ясно осознавал то же самое. Он больше не сможет вернуться туда, где всё было просто, — да и не хотел.

Через некоторое время Пэя рассказала ему о человеческом обычае — предложении руки и сердца. О кольце. Парос принял это не как традицию, а как задачу. Он решил, что кольцо должно быть добыто. И выбрал путь, который требовал риска. Он вспомнил рассказы отца о сокровищницах нурлаков — скрытых, охраняемых, полных ловушек, где в глубине обитает дракон — подчинённый, но не утративший своей силы.

Парос понимал, что один с задачей, вставшей перед ним, не справится. И потому отправился искать тех, кто сможет идти рядом с ним.

Дни сменяли друг друга, но никто не вызывал у него доверия. Пока однажды в портовом кабаке он не увидел троих. Двое ничем не отличались от остальных. Третий — отличался. И именно с этого момента начался следующий выбор.

6. Дерек

Парос заметил браслет раньше, чем обратил внимание на лицо его владельца. Широкий, золотой, тонкой работы, он сразу выделялся среди дешёвых украшений портового зала. Орёл, вцепившийся в добычу, был выполнен в манере древних мастеров: в нём чувствовалось напряжение, движение и сила, застывшие в металле. Между фигурами мерцал лунный камень — довольно редкий, используемый не ради красоты, а как некий знак. Такие вещи не попадают в чужие руки случайно. И уж тем более не выносятся из пещер нурлаков.

Парос поднял глаза. Лицо человека было изуродовано настолько, что взгляд не сразу удерживался на нём: шрамы, ожоги, кожа, стянутая в неправильных линиях, словно её сшивали заново. Нос почти отсутствовал, губы были смещены, и вся эта картина не вызвала страха, но отталкивала своей непривычной реальностью. Однако глаза оставались живыми — холодными, внимательными и слишком спокойными для человека, который не привык выживать.

Парос сел напротив, не спрашивая разрешения.

— Этот браслет не покупают, — произнёс он спокойно. — Его берут там, откуда не возвращаются.

Человек не ответил.

— Я знаю, откуда он у тебя.

Тот поднялся, собираясь уйти, но Парос даже не шелохнулся.

— Сделаешь ещё шаг, и я назову твоё имя.

Мужчина остановился и медленно обернулся.

— Дерек.

Взгляд стал жёстче.

— Тогда иди, — спокойно продолжил Парос. — И жди, когда старейшины узнают, что ты был в той пещере.

Дерек резко развернулся.

— Ты не выйдешь отсюда живым, если врёшь.

Парос выдержал его взгляд.

— Сядь и выслушай.

Дерек вернулся, но сел иначе — не как собеседник, а как человек, готовый в любой момент перейти к действию.

— Говори.

— Ты был там не один, — начал Парос. — С тобой была женщина.

Глаза Дерека сузились.

— Продолжай.

— Твоя мать. Её забрали, а ты выжил.

Рука Дерека медленно сжалась на краю стола.

— Откуда ты это знаешь?

— Я был там, — ответил Парос, не отводя взгляда. — Я был одним из тех, кто её забрал.

Тишина между ними стала плотной и напряжённой.

— И ты рассчитываешь, что после этого я буду с тобой разговаривать? — тихо спросил Дерек.

— Ты уже разговариваешь и не уходишь, — так же спокойно ответил Парос.

Пауза затянулась.

— Она жива? — спросил Дерек.

— Пока да.

— Где?

— В тюрьме нурлаков.

Дерек усмехнулся, но в усмешке не было ни тени веселья.

— И ты хочешь, чтобы я поверил тебе на слово?

— Нет. Я хочу, чтобы ты оценил свои возможности. Сам ты её не найдёшь, а даже если найдёшь — не вытащишь из тюрьмы.

Дерек наклонился вперёд.

— Тогда зачем ты это говоришь?

— Потому что мне нужен проводник в ту же пещеру.

Короткий смех вырвался у Дерека.

— Ты либо безумен, либо считаешь меня идиотом.

— Мне нужно туда попасть, и ты знаешь дорогу.

— А ты знаешь, как не умереть внутри, — тихо ответил Дерек.

Они замолчали, понимая, что сказали достаточно, чтобы понять друг друга.

— Я устрою тебе встречу с ней, — продолжил Парос.

— Докажи.

— Не могу, — честный ответ прозвучал спокойно.

— Тогда зачем мне соглашаться?

Парос чуть подался вперёд.

— Потому что у тебя нет другого шанса увидеть её.

Дерек закрыл глаза лишь на мгновение, потом произнёс:

— А если ты врёшь?

— Тогда ты убьёшь меня. — Парос не отвёл взгляда. — Но если я прав, ты получишь то, ради чего живёшь.

Дерек долго смотрел на него.

— Мне не нужно золото, — сказал он наконец. — Мне нужна она.

— Тогда у нас есть сделка.

Дерек не протянул руку.

— Если ты обманешь, я найду тебя.

— Не придётся.

— Я всё равно найду.

Парос кивнул.

Несколько дней они искали остальных, кто согласился бы пойти в пещеру, но каждый разговор заканчивался отказом: риск погибнуть был слишком велик, а выгода казалась призрачной.

Время уходило. В очередной таверне они искали уже не союзников, а возможность поесть и отдохнуть, когда крики у барной стойки заставили их обернуться.

Один удар сменился звоном разбитой посуды, и внимание всех присутствующих мгновенно переключилось на источник шума.

Пятеро мужчин окружили женщину. Она была выше большинства из них и двигалась с точностью, выработанной годами. В её руках была длинная палка, которой она удерживала дистанцию, нанося быстрые и выверенные удары по мужчинам, однако пространство вокруг неё постепенно сжималось, и один из нападавших уже заходил сбоку.

Она не проигрывала, но начинала уступать числу.

Парос сделал шаг вперёд.

— В чём дело?

— Женщинам не место за барной стойкой, — ответил один из мужчин.

— И не место пить этот эль, — добавил другой.

— Кто это решил?

— Я, — ответил седой мужчина, выходя вперёд. — Здесь мои правила.

Женщина усмехнулась и перехватила палку удобнее.

— Тогда слушай внимательно: мне не нужны ни твои правила, ни твоё разрешение, — заявила она.

Один из мужчин рванулся вперёд. Она ударила его точно между глаз. Второй уже замаяхивался на неё.

Дерек двинулся первым и одним движением сбил нападавшего с ног. Парос не стал ждать и сразу вмешался, окончательно меняя расстановку сил.

Женщина выпрямилась и посмотрела на них иначе — без благодарности, внимательно и оценивающе.

— Я — из племени Бульд, — сказала она спокойно. — И я не просила помощи.

— Уже не важно, — ответил Парос. — Теперь мы вмешались.

Эльба задержала взгляд на них чуть дольше, чем требовалось.

Они ещё не стали союзниками. Но уже перестали быть чужими.

7. Дочери камня и моря

Далеко за западными водами, там, где океан сливается с небом и луна по ночам кажется ближе к земле, лежит остров, о котором на материке долго говорили вполголоса, не будучи уверенными, существует ли он на самом деле.

С первого взгляда он кажется небольшим, однако это впечатление обманчиво, потому что его истинная глубина скрыта под поверхностью земли. Камень уходит вниз на многие уровни, образуя сложную сеть тоннелей, пещер и залов, сформированных задолго до появления человека и не предназначенных для жизни.

На поверхности остров дышит привычным ритмом: в лесах движутся звери, в кронах гнездятся птицы, а трава скрывает жизнь, которую замечаешь лишь тогда, когда останавливаешься. Всё кажется устойчивым и почти спокойным, но это лишь верхний слой. Ниже, в темноте, среда не прощает ни ошибки, ни замедления.

Когда-то сюда пришли люди. Они не искали этот остров — их привело сюда отчаяние. Родные земли больше не могли их прокормить, войны отнимали последние силы, а надежда на спасение медленно угасала вместе с каждым прожитым днём. Несколько племён ушли в открытое море без карт и без уверенности, что впереди существует хоть что-то, кроме воды. Сначала они говорили, затем начали экономить слова, а когда на горизонте показалась земля, сил хватало лишь на то, чтобы продержаться ещё немного.

До берега добрались не все. Буря настигла их у самой цели своего путешествия, разбив корабли о камень и разбросав людей по воде. Тех, кто выжил, вынесло на берег вместе с обломками, и первым, что они увидели, стала чужая земля, полная жизни. В глубине лесов прятались хищники, среди высокой травы бродили крупные травоядные звери, а над скалами и океаном кружили десятки неведомых птиц, наполняя воздух криками и шумом крыльев. Когда стало возможным сосчитать живых, выяснилось, что мужчин почти не осталось. Те немногие, кто выжил, не могли держать оружие, и прежний порядок исчез вместе с ними. Женщины не ждали решения — они начали действовать быстро и без права на ошибку, потому что каждый день требовал от них силы. Они учились охотиться, защищаться, выживать.

Остров не позволял закрепиться на поверхности. Хищники выходили не только ночью, ветер менялся без предупреждения, а сама земля могла обрушиться под ногами. С каждым месяцем становилось очевидно, что оставаться здесь означает исчезнуть.

Они ушли под землю. Сначала как в укрытие. Потом — потому что выхода не осталось.

Первые годы жизни под землёй стали испытанием, которое выдержали не все. Тьма давила, пространство искажало расстояния, звуки теряли направление, и люди исчезали в переходах, не оставляя после себя ничего. Остались те, кто смог принять новые условия жизни. Остров начал менять их.

С каждым поколением зрение теряло значение, уступая место другим чувствам, которые обострялись до предела. Они учились слышать движение в темноте, различать запахи на расстоянии и чувствовать пространство, не видя его. Со временем изменилось и тело. Оно становилось плотнее, сильнее и выносливее, словно сама каменная среда формировала его под свои условия. Рост увеличивался, мышцы набирали силу, а движения становились точными и лишёнными всего лишнего.

К нынешнему времени каждая взрослая воительница почти достигала двух метров в высоту, и в их облике уже трудно было узнать тех, кто когда-то ступил на этот берег.

И всё же даже этого оказалось мало. Мужчин становилось всё меньше.

И однажды стало ясно: если ничего не изменить, их народ исчезнет.

Старейшины приняли решение. Из числа молодых воительниц начали отбирать тех, кто сможет покинуть остров, пересечь океан и вернуться, но не с добычей, а с будущим.

Так появились те, кого на материке позже назовут охотницами за мужьями. А сами они говорили проще. Они были охотницами за продолжением жизни их народа.

8. Рождённая охотиться

Эльба испытала подлинное счастье, когда старейшины назвали её имя среди избранных для великой миссии, поскольку для каждой дочери бульда такая честь означала не просто признание силы и мастерства, но и подтверждение того, что именно ей доверяют будущее народа.

В тот день в море вышли двадцать кораблей, и на каждом находилось по двадцать молодых воительниц — лучших из тех, кого мог дать остров. Многие из них с самого начала понимали, что это путешествие может стать дорогой в один конец, однако ни одна не позволила себе усомниться в своём выборе.

Спустя несколько недель флот разделился, расходясь в разные стороны, поскольку каждая группа должна была искать место для высадки самостоятельно. Океан не был союзником: он принимал одних и забирал других, не делая различий между сильными и слабыми, и почти восемьдесят женщин так и не достигли берега, исчезнув в воде, которая когда-то подарила их народу новую жизнь.

Но даже тех, кто выжил в море, земля встречала не мягче. Материк оказался чужим и враждебным. Болезни, незнакомые законы, чужая речь и люди, не готовые понимать, становились не меньшей угрозой, чем хищники или холод. Многие погибали уже на суше — от ран, от яда или от собственной прямооты, потому что бульды не умели договариваться там, где можно было выжить только с применением силы.

Из всего отряда Эльбы в живых осталась лишь она одна, и мысль о возвращении домой без результата казалась ей страшнее смерти. При этом сама Эльба всегда считала себя иной. Она не верила в любовь и не доверяла чувствам, воспринимая их как слабость, которая делает человека уязвимым и лишает ясности мыслей. Для неё мир был простым и прямым: либо ты выживаешь, либо исчезаешь.

Однако её собственная жизнь начиналась с того, что опровергало этот взгляд.

История её родителей давно превратилась среди бульд в легенду. Её отец был человеком с материка, потерпевшим кораблекрушение у берегов острова и выброшенным почти без сознания на камни. Мать Эльбы нашла его, спасла и выходила, а затем привязалась к нему настолько, что нарушила привычный порядок своей жизни.

Он остался.

Среди бульд подобный союз не считался чем-то запретным. Мужчины могли иметь несколько жён, если были способны обеспечить и защитить семью, поэтому брак с чужаком воспринимался скорее как редкость, чем как нечто невозможное.

От их союза родились две девочки-близнеца, но выжить суждено было только одной — Эльбе.

Когда ей исполнилось шесть лет, отец ушёл на охоту и не вернулся. Его тело, изуродованное хищником, нашли позже, и опознать его удалось лишь по руке, на которой оставалось обручальное кольцо.

Эльба не запомнила его лица в тот день. Она запомнила кольцо. Мать долго не могла оправиться от утраты, но законы племени не оставляли места для длительного горя. Женщина, способная рожать, не принадлежала себе, и вскоре её выдали замуж за другого мужчину.

В новой семье появились дети, однако отчим никогда не воспринимал Эльбу как свою дочь. Он не был жесток, но и не стремился стать ближе, ограничиваясь обучением, дисциплиной и подготовкой к жизни, в которой не было места слабости.

С раннего возраста её готовили к пути воина, и долгое время казалось, что именно этот путь станет её судьбой. Однако к семнадцати годам стало ясно, что её тело развивается иначе: пока остальные девушки продолжали расти и становиться массивнее, рост Эльбы остановился

на ста восьмидесяти сантиметрах, что по меркам её народа считалось недостаточным для боевой линии.

Тогда её перевели в охотницы. Именно там проявилось то, что не смогли увидеть раньше. В лесу ей не было равных. Эльба чувствовала добычу так, словно между ней и жертвой существовала невидимая связь. Она могла идти по следу сутками, не теряя его ни в дождь, ни в ветер, и неизменно выбирала самых сильных зверей, будто искала не добычу, а хотела узнать предел своих возможностей.

Её охота не становилась жестокостью ради удовольствия. Она убивала быстро и точно, потому что презирала бессмысленное страдание. Именно благодаря ей племя долгие годы не знало голода.

И именно поэтому, когда пришло время выбирать тех, кто отправится через океан за новой кровью, старейшины без колебаний назвали её имя одним из первых.

Однако её задача продолжением рода не ограничивалась. Среди немногих ей доверили и другое. Эльба должна была установить контакт со старейшинами нурлаксов и добиться переговоров, значение которых могло изменить не только судьбу её народа, но и равновесие сил за пределами острова.

Она приняла это задание без вопросов. Потому что для неё это не было выбором. Это было продолжением её жизненного пути.

9. Таверна

Присутствие двоих изменило ход схватки, но не сделало её простой.

Оставшиеся противники не растерялись, а перестроились быстрее, чем можно было ожидать. Один сразу ушёл в сторону, пытаясь вернуть контроль над дистанцией, тогда как второй сосредоточился на Паросе, проверяя его на прочность короткими, точными ударами.

Эльба это увидела и приняла. Она больше не пыталась вести бой в одиночку, а встроилась в изменившийся ритм, действуя так же, как на охоте, когда добыча оказывалась опаснее, чем казалась сначала.

Один из нападавших допустил ошибку. Эльба мгновенно сократила дистанцию, выбила оружие из его руки и следующим движением завершила схватку.

Дерек в это время уже уложил второго, действуя спокойно и без лишних усилий, словно выполнял привычную работу.

Последний попытался отступить, но Парос не позволил ему уйти. Несколько уверенных движений — и всё закончилось.

Шум в таверне не исчез, но изменился: в нём появилась настороженность. В воздухе повис тяжёлый запах крови, смешанный с дымом и пролитым элем, и он оседал в горле, не давая сделать полный вдох.

Эльба выпрямилась, ощущая, как кровь медленно стекает по плечу. Боль оставалась ясной и удерживала сознание в фокусе. Она перевела взгляд на двоих мужчин.

— Вы вмешались.

— Потому что было нужно, — ответил Дерек.

— Я справлялась.

— До того момента, как перестала контролировать поле боя, — спокойно добавил Парос. Она прищурилась, но спорить не стала.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, оценивая. И именно в этот момент она почувствовала, что что-то не так. Сначала это было почти незаметно — лёгкое смещение восприятия, затем тело стало тяжелее, а зрение начало терять чёткость по краям.

Она резко втянула воздух. Эльба опустила взгляд на рану. Кровь была слишком тёмной. Её ранили отравленным оружием. Осознание пришло мгновенно. Она попыталась сделать шаг, но ноги отреагировали с задержкой. Мир качнулся, и контроль исчез. И это было недопустимо. Последнее, что она увидела, — как Дерек перехватывает её до того как она упала.

Сознание резко вернулось. Холодная вода стекала по лицу, дыхание было неровным, но тело уже подчинялось ей.

Она вскочила, и оружие оказалось в её руке раньше, чем сформировалась мысль.

— Спокойно, — сказал Дерек. — Мы не враги.

Эльба не опустила оружия. Взгляд быстро скользнул по окружению: лес, костёр, лошади.

И те же двое.

— Где я?

— Далеко от той таверны, — ответил Парос. — Мы вынесли тебя до того, как туда пришли те, кто не задаёт вопросов.

Она перевела взгляд с одного на другого.

— Я не просила.

— Ты бы не успела, — сказал Дерек.

Она задержала на нём взгляд.

— Я контролировала бой.

— Пока могла стоять.

Тишина между ними стала напряжённой.

— Яд, — сказала она.

— Да, — подтвердил Парос. — Не смертельный, но рассчитанный на то, чтобы тебя добили.

Она опустила оружие чуть ниже, но не убрала его.

— Значит, вы вмешались не случайно.

— Мы выбрали подходящий момент, — ответил Дерек.

Она усмехнулась.

— Удобно.

— Эффективно.

Небольшая пауза.

— Меня зовут Дерек. Это Парос.

Она кивнула.

— Нурлакс.

Напряжение стало сильнее.

— Нам нужен человек, который выживает там, где другие не могут, — сказал Парос.

Она слушала внимательно.

— Зачем?

Они объяснили. Коротко и чётко. Когда они закончили говорить, она уже знала ответ. Но не дала его сразу.

Эльба устроилась ближе к костру, положив оружие так, чтобы в любой момент дотянуться до него.

— Я подумаю, — сказала она. — Но пока вы для меня не союзники.

Дерек усмехнулся.

— Этого хватит.

Парос промолчал.

Эльба закрыла глаза, но не расслабилась до конца. Она всё ещё слушала. И ждала.

10. Рендел

Неподалёку от леса, где они остановились на ночлег после столкновения в таверне, находилась деревня — одна из тех, где жизнь текла размеренно и почти не менялась, подчиняясь смене времён года и устоявшемуся порядку.

Семнадцать лет назад в одной из семей, живущих в этой деревне, появился на свет мальчик, которого называли Ренделом. Сначала он ничем не отличался от остальных детей, однако это ощущение быстро исчезло. Он рано начал ходить, быстрее сверстников освоил чтение и письмо, а считать научился тогда, когда другие ещё не знали, что числа вообще существуют. Его память была необычайной: однажды увиденное или услышанное оставалось с ним навсегда.

Родители гордились им, но вместе с гордостью за него ощущали постоянную тревогу.

Рендел не мог говорить. Ни один звук не вырывался из его горла, и сколько бы ни пытались помочь ему лекари, знахари и те, кто называл себя сведущими в тайнах тела, никто не смог избавить его от немоты. Его ум развивался стремительно, но оставался заперт внутри него.

Со временем его руки нашли способ говорить вместо него. Сначала он создавал простые вещи, затем инструменты, а позже — механизмы, которые постепенно меняли жизнь деревни. Он чинил мельницы, улучшал повозки, придумывал новые способы обработки земли, и люди привыкли к нему настолько, что научились понимать его без слов.

Со стороны его жизнь могла казаться удачной. Но ощущение тесноты в пространстве, в котором он жил, не уходило. Чем старше он становился, тем яснее понимал, что его возможности не умещаются в пределах одной деревни. Его ум требовал большего — задач, которые не решаются привычными способами, и людей, способных понять его.

Особенно его притягивали рассказы о нурлаксах. Он видел в них не угрозу, а возможность — мир, в котором сила и разум могли существовать вместе. И он решил уйти.

Разговор с родителями оказался тяжёлым.

Отец долго молчал, прежде чем признать, что сын способен на большее, но страх за него не позволял отпустить легко. Мать не скрывала слёз.

Рендел выслушал, но не отступил. На рассвете он ушёл.

Первые дни пути были полны ожидания чего-то хорошего в его жизни, но со временем реальность начала разрушать это чувство. Люди не ждали его. Его идеи вызывали недоверие, его чертежи — раздражение, а его молчание — страх.

С каждым отказом его уверенность в себе ослабевала. Он не переставал понимать, что делает. Но всё меньше верил, что его работа кому-то нужна. В конце концов он решил вернуться домой. Не потому, что сдался, а потому, что потерял цель в жизни.

До дома он не дошёл. Юноша остановился в той самой таверне, где несколькими часами ранее произошла драка.

Он видел её. Видел женщину, в движениях которой не было ни суеты, ни случайности — лишь спокойная уверенность и грация. Видел двоих мужчин, которые вмешались в драку именно в тот момент, когда это стало необходимо. И понял, что эта встреча с ними — не случайность. Рендел последовал за ними.

Ночью он держался на расстоянии, наблюдая, слушая и сопоставляя увиденное, пока окончательно не убедился: упустить возможность быть рядом с этими людьми он не имеет права. Когда он подошёл к их костру, Дерек и Эльба ещё спали. Парос не спал и сразу заметил Рендела. Он поднял руки, показывая, что не представляет угрозы, затем достал лист бумаги и быстро написал несколько строк.

Парос прочитал.

— Любопытно, — сказал он спокойно. — Подслушивать — плохая привычка, но предлагать помощь — это благородно.

Рендел написал снова. Парос задержал взгляд на листке бумаги.

— Значит, тебе не нужны деньги. Ты хочешь попасть к старейшинам нурлаксов.

Он кивнул.

— Если переживём то, во что ввязываемся, я помогу тебе.

Когда проснулся Дерек, его реакция оказалась ожидаемой.

— И что он умеет? — спросил он, оценивая Рендела.

— Думает, — ответил Парос. — И делает это лучше большинства.

— Этого мало.

— Нам нужен именно такой человек.

Дерек не спешил соглашаться.

— Нам нужен тот, кто не станет обузой.

— Если он окажется бесполезным, мы это поймём быстро.

Дерек ещё мгновение смотрел на Рендела, после чего отвёл взгляд.

— Хорошо. Но я за него не отвечаю.

— И не нужно.

Позже проснулась Эльба. Она сразу почувствовала присутствие постороннего.

— Он шёл за нами от самой таверны, — сказала она спокойно.

— Ты была без сознания, — заметил Дерек.

— Нет, — ответила она. — Я просто не вмешивалась в то, что вы делали. — Она посмотрела на Рендела внимательнее. — Если вы решили его оставить, значит, он вам нужен.

В её голосе не было ни согласия, ни возражения. Только факт. Так Рендел остался с ними.

Когда они собрались в путь, он шёл рядом, ощущая странное, непривычное спокойствие. Он больше не пытался доказать свою ценность.

Не искал признания. Впервые его путь не казался ошибочным. И этого оказалось достаточно, чтобы идти дальше.

11. Домик травницы

Пока отряд Пароса продвигался к сокровищнице, задержавшись на несколько дней ради подготовки, жизнь Пэи в доме травницы текла спокойно, размеренно и тихо.

В домике стоял запах сушёных трав, а дни девушки были наполнены заботой о больных. При этом она испытывала то редкое чувство внутреннего равновесия, которое приходит лишь тогда, когда человек действительно находит своё место в жизни.

Под руководством Анны Пэя училась с упорством, которого раньше в себе не замечала. Она впитывала знания о травах, настоях и лечении так, словно всё это давно жило внутри неё и лишь ждало подходящего момента, чтобы проявиться. С каждым днём работа становилась сложнее, ответственность возрастала, но усталость перестала тяготить, потому что впервые её усилия имели ясный и ощутимый смысл.

Постепенно она сблизилась с Энжи, племянницей Анны, живой и искренней девушкой, рядом с которой не приходилось кем-либо притворяться. Вечерами они подолгу разговаривали, делились мыслями и тем, что обычно не произносят вслух, и именно ей Пэя решилась рассказать о своих чувствах к Паросу.

Энжи не испугалась того, что сказала Пэя и не отстранилась, а просто осталась рядом, как будто это было самым естественным ответом на сказанное девушкой.

Этот хрупкий покой нарушился неожиданно. Последние несколько дней Анна всё чаще задерживала на Пэе внимательный взгляд. Сначала девушка не придавала этому значения, однако со временем начала замечать, что женщина будто следит за ней исподволь.

Пэя стала быстрее уставать. Иногда привычный запах трав и отваров внезапно вызывал лёгкую тошноту, а несколько раз за работой Анна замечала, как она незаметно прижимала ладонь к животу, словно пыталась успокоить непонятное ощущение внутри.

Однажды вечером Анна остановила её после работы.

Несколько секунд она молчала, внимательно рассматривая Пэю, а затем спросила:

— Скажи откровенно, появился ли в твоей жизни мужчина?

Пэя почувствовала, как внутри на мгновение всё сжалось. Страх появился резко и точно, будто игла коснулась кожи.

Она заставила себя ответить спокойно, хотя каждое слово требовало усилия.

— Если бы это было так, у меня едва ли оставалось бы время на учёбу... Почему вы спрашиваете?

Анна слегка покачала головой.

— Последние дни тебя мутит от запахов. Ты устаёшь быстрее обычного, а сегодня едва не потеряла сознание, когда готовила отвар. Я наблюдала за женщинами слишком долго, чтобы не замечать подобных вещей.

Она ненадолго замолчала, а затем спросила уже без привычной мягкости:

— Когда у тебя в последний раз была кровь?

Эти слова уничтожили последнюю надежду на то, что Анна ни о чём не догадалась. Пэя замолчала, потому что больше не могла притворяться, будто не понимает о чём идёт речь.

— Больше месяца назад... — тихо сказала она.

Анна кивнула, не оставляя пространства для сомнений.

— Тогда ты носишь ребёнка.

Мир не обрушился. Он изменился сразу и окончательно, без перехода и без возможности вернуться к прежнему состоянию.

Пэя не сразу смогла осознать услышанное, но смысл постепенно раскрылся полностью.

Ребёнок. Их с Паросом малыш.

Она опустила ладони на живот, ещё не чувствуя ничего нового, но уже понимая, что это знание останется с ней навсегда. Внутри одновременно поднимались страх перед будущим, растерянность и неожиданно сильное, ошеломляющее чувство счастья.

Слёзы выступили сами по себе.

— Вы... не прогоните меня? — спросила она, не поднимая глаз.

Анна посмотрела на неё с искренним удивлением.

— Как ты могла так подумать? Я помогу тебе и буду рядом столько, сколько потребуется.

Но ты должна сказать мне правду. Кто отец?

Пэя долго молчала, потому что понимала, что после этого ответа пути назад не будет.

— Его зовут Парос. Он нурлакс.

Анна не изменилась в лице, и именно это оказалось самым неожиданным.

Пэя рассказала всё — без утайки и без попытки смягчить правду. Анна выслушала её до конца, а затем тихо рассмеялась.

— Значит, любовь всё-таки сильнее законов, — сказала она спокойно. — Я сохраню твою тайну.

Когда Пэя ушла, Анна осталась одна у очага. Некоторое время она смотрела на огонь, словно обдумывая уже принятое решение, после чего подошла к столу, взяла перо и быстро написала короткое письмо.

Свернув его, она достала чёрного голубя, привязала записку к его лапке и выпустила птицу в ночное небо.

— Лети, — тихо произнесла она.

Её улыбка была слишком спокойной, чтобы быть случайной.

12. Тропа хищника

Тем временем отряд Пароса уже приближался к границе скал, за которыми скрывался вход в сокровищницу. Дерек вёл их через Волшебный лес, где сама местность могла стать ловушкой, если потерять концентрацию внимания хотя бы на мгновение. Деревья здесь словно меняли своё положение, тропы исчезали, а растения, ещё недавно безобидные, могли оказаться ядовитыми.

Чем ближе они подходили к цели своего путешествия, тем сильнее ощущалось давление окружающего пространства.

Когда скалы стали различимы, Эльба резко остановилась и подняла руку. Все замерли. Она указала на землю. Следы были свежими и слишком крупными, чтобы их можно было игнорировать.

Эльба присела, провела пальцами по отпечатку и быстро взяла у Рендела блокнот, чтобы написать: самка, трое детёнышей, логово впереди.

Парос понял сразу. Это означало, что путь к пещере проходит через территорию хищника, который не отступит.

Эльба предложила план, не тратя времени на обсуждение: отвлечь зверя и увести его от логова, используя детёныша как приманку. Риск был очевиден. Но другой возможности пройти не существовало.

Когда они приблизились, тигрята играли у входа в расщелину, а мать лежала чуть выше, неподвижная, но сосредоточенная. Она уже знала об их приближении.

Парос рванул первым, действуя быстро и без колебаний. Тигрица сорвалась с места в ту же секунду. Когда он схватил тигрёнка, её рёв разорвал тишину, и воздух будто дрогнул от силы звука.

Эльба перехватила детёныша и бросила его в ловушку, которую Рендел собрал заранее, однако конструкция не выдержала — когда тигрица прыгнула следом, верёвки натянулись и лопнули раньше, чем они рассчитывали. Тигрица освободилась почти сразу. И выбрала цель. Эльба поняла это раньше, чем зверь прыгнул, и бросилась вперёд, уводя хищницу за собой.

Расстояние сокращалось очень быстро. Ошибка означала смерть.

Когда лес стал плотнее, Эльба машинально потянулась к охотничьему мешочку на поясе, зачерпнула пальцами едкий порошок и метнула его прямо в морду зверя.

Тигрица не остановилась мгновенно. Она сделала ещё несколько шагов, яростно мотая головой и пытаясь избавиться от жжения, которое порошок вызывал в глазах и дыхании. Затем её движения стали тяжелее, лапы дрогнули, и зверь рухнул на землю.

Эльба осталась стоять, тяжело дыша и понимая, насколько близко оказалась к провалу. Сонный порошок бульдов действовал не сразу, и несколько лишних секунд могли стоить ей жизни. Тем временем путь к пещере оказался открыт.

Дерек, Парос и Рендел не теряли времени и начали подъём, однако, достигнув вершины, сразу поняли, что дела приняли иной оборот: у входа стояла уже не стража, а внушительный отряд нурлаксов. Прямой путь был закрыт.

Дерек тихо сообщил об этом, и Парос сразу повёл их к скрытому проходу, о котором знал. Им пришлось спуститься ниже, но там был дракон. Они бросили ему мясо с усыпляющим порошком, и когда он уснул, отправились дальше. Нашли замаскированную дверь и без шума вскрыли её.

За спиной послышались шаги. Тяжёлые и уверенные. Неотвратимо приближающиеся. Все трое мгновенно прижались к стенам. И в тот же миг воздух прорезал запах гари. Раздался треск искры. Во тьме вспыхнул свет. Из-за поворота показалась Эльба с факелом в руке.

На её лице играла самодовольная ухмылка.

— Ну что, герои, далеко ушли в этой темноте? — спросила она. — Вы умудрились пройти мимо склада с факелами и даже не заметить его. Начинаю подозревать, что у вас у всех проблемы со зрением.

Парос облегчённо выдохнул.

— Как ты нас так быстро догнала?

— Могла бы и раньше, — пожала плечами она. — Но тигрица долго не желала засыпать.

— Колыбельную пела?

— Сонный порошок ей в морду швырнула, — сухо ответила Эльба. — Одной дозы хватило и ей, и тигрёнку. Я выросла в пещерах, если вы забыли. Мои глаза в темноте работают лучше ваших.

Только теперь Дерек заметил кровь на её предплечье.

— Что с рукой?

Эльба бросила взгляд на рану.

— Подошла слишком близко. Чтобы попасть порошком в нос, пришлось рискнуть. Царапина.

— Сможешь идти дальше? — спросил он. — Впереди ловушки. И дракон.

Она усмехнулась так, будто это её только развеселило.

— Если я догнала вас после разъярённой тигрицы, то переживу и дракона. А эта царапина заживёт быстрее, чем вы снова успеете сделать что-нибудь глупое.

Рендел шагнул вперёд и крепко обнял её.

Эльба фыркнула, но отталкивать не стала.

— Всё, хватит, — проворчала она. — Я уже поняла, что вы рады видеть меня живой. Двигаемся дальше.

Теперь, когда их снова было четверо, а тоннель озаряли факелы, отряд двинулся вперёд увереннее.

У первой же развилки Рендел остановился, внимательно осмотрел стены и указал на едва заметную метку у самого пола. Маленькая стрелка, высеченная ножом много лет назад. Его собственная метка.

— Нашёл, — написал он в блокноте.

Они свернули в указанный тоннель. И каждый из них понимал: всё, что было до этого, являлось лишь дорогой к настоящему испытанию.

Потому что впереди их ждало первое из пяти смертельных препятствий.

12. Пещера

Парос резко остановился у начала следующего коридора и, обернувшись к спутникам, понизил голос почти до шёпота, будто даже каменные стены могли донести их слова до спящего в глубине чудовища.

— С этого места начинаются настоящие ловушки. Теперь каждый шаг может стать последним, поэтому смотрите под ноги, слушайте меня и не делайте ничего, что я не велю.

Первое испытание ожидало их уже через несколько десятков шагов.

Посреди тоннеля возвышалось огромное металлическое колесо, по краям которого рядами шли длинные изогнутые лезвия. На вид оно напоминало гигантскую мишень, вмурованную в стены прохода, однако стоило приблизиться хотя бы на несколько шагов, как скрытый механизм оживал, и колесо начинало вращаться с такой скоростью, что превращалось в сверкающую стальную бурю, полностью перекрывающую путь.

Парос помрачнел, узнав устройство.

— Помню эту дрянь, — пробормотал он. — Чтобы её остановить, нужно выстроиться перед колесом в шахматном порядке и одновременно поднять руки. Мы замкнём датчики движения, и механизм временно отключится.

Рендел быстро черкнул в блокноте вопрос:

«А как пройти дальше?»

— Вот это сложнее, — ответил Парос, указывая на выступ высоко под потолком. — Пока колесо замедлится, кто-то должен метнуть туда балку. Это выключатель. Подойти к нему невозможно, а значит, всё решит точность броска.

Все молча заняли позиции.

— По моему сигналу... вперёд.

Четверо выстроились перед колесом и одновременно подняли руки.

Механизм задрожал.

Скрежет металла постепенно перешёл в тяжёлое замедляющееся вращение.

— Сейчас!

Дерек, напрягшись всем телом, метнул тяжёлую деревянную балку с такой силой, словно бросал боевое копьё.

Она просвистела в воздухе и с глухим ударом врезалась точно в каменный выступ.

Раздался металлический щелчок. Колесо замерло.

— Проходим по одному, медленно и строго между дугами, — скомандовал Парос.

Один за другим они проскользнули между неподвижными лезвиями, чувствуя их холод у самых лиц.

Лишь когда последний миновал ловушку, отряд позволил себе выдохнуть.

— Сколько таких ещё? — тихо спросила Эльба.

— Пять, если повезёт, — ответил Парос. — Но если дракон учует нас раньше времени, количество испытаний перестанет иметь значение.

Дальше они шли молча.

Даже Дерек, обычно не упускавший случая отпустить колкость, теперь соблюдал тишину.

Рендел, сжимая факел, думал лишь о том, насколько безумно изменилась его жизнь за последнюю неделю. Ещё недавно его главной заботой было починить мельничное колесо в родной деревне, а теперь он шёл навстречу дракону через смертельные ловушки.

Вторая западня оказалась ещё опаснее.

Стены коридора были испещрены сотнями узких щелей, и стоило Паросу случайно коснуться одной из плит на полу, как из отверстий с визгом вырвались десятки кинжалов, пронзив воздух там, где мгновение назад находилась его грудь.

— След в след, — коротко произнёс он, внимательно глядя под ноги. — Наступайте только туда, куда ступаю я.

Так, двигаясь плотной колонной и почти не дыша, они преодолели смертоносный коридор, в котором одна ошибка означала бы немедленную смерть.

Третья ловушка встретила их обманчивым гостеприимством.

За тяжёлой каменной дверью скрывалась просторная комната, в центре которой стоял накрытый стол, ломившийся от жареного мяса, фруктов, свежего хлеба и кувшинов с водой. Воздух внутри, видимо, нарочно был сухим и горячим, так что губы мгновенно пересыхали, а желудок болезненно сжимался от голода.

— Отрава? — спросила Эльба, не сводя взгляда с жареных окороков.

— Хуже, — мрачно ответил Парос. — Еда настоящая, но пропитана составом, вызывающим полную мышечную парализацию. Один кусок — и ты останешься лежать здесь, пока тебя не найдут. Или пока не скормят дракону.

— Тогда просто идём вперёд и ничего не трогаем, — холодно сказала Эльба.

Но сделать это оказалось труднее, чем сказать.

С каждым шагом жажда и голод становились почти невыносимыми. Ароматы, исходившие от еды, сводили с ума, вода в кувшинах манила испить её.

— Может... один глоток? — прохрипел Дерек.

— Даже не думай, — отрезал Парос.

Стиснув зубы, они всё же прошли комнату до конца.

Лишь оказавшись за дверью, все почти одновременно рухнули на пол, жадно припадая к собственным запасам воды.

Парос, переведя дыхание, поднял взгляд на остальных.

— Дальше — дракон. Убить его мы не сможем. Только усыпить. Нам понадобится мясо с того стола.

— Я схожу, — без колебаний сказала Эльба. — Мне проще всего это утащить. Я всё-таки сильнее вас всех.

— Только ничего не ешь.

Она смерила его ледяным взглядом.

— Ты правда считаешь, что я настолько глупа, чтобы съесть отравленную еду?

Через несколько минут она вернулась, волоча тяжёлую скатерть, в которую было завернуто мясо. Отряд быстро распределил добычу по мешкам и, взяв остаток с собой, двинулся дальше.

Туннель неожиданно вывел их к краю огромного внутреннего утёса.

Перед ними раскрылась гигантская пещера.

В самом её центре стояла золотая клетка, искусно выкованная и освещённая десятками факелов, а внутри неё громоздились сокровища — золото, драгоценные камни, украшения, оружие, артефакты и реликвии, накопленные за столетия.

Но взгляд приковывало не это. Вокруг клетки, свернувшись кольцом, спал дракон.

Его чешуя отливала красным золотом, словно была выкована в кузнице богов. Огромное змеевидное тело плавно изгибалось по камню, четыре мощные лапы заканчивались когтями длиной с кинжалы, а хвост украшало лезвие, способное разрубить человека пополам одним ударом. Его длинные усы и густая золотистая борода шевелились при каждом выдохе, а сложенные за спиной крылья казались сделанными из расплавленного металла.

Перед ними лежало совершенное орудие смерти. И сейчас оно спало.

Осторожно, шаг за шагом, отряд начал спуск вниз. Каждый нёс по куску мяса, пропитанного усыпляющим составом. Им требовалось разложить его у самой морды зверя. Ближе. Ещё ближе.

Дыхание дракона обжигало кожу.

Последним мясо укладывал Дерек. И именно в этот момент ноздри чудовища дрогнули. Огромная грудь вздыбилась. Челюсти шевельнулись. Все замерли.

Дракон разлепил веки. Два изумрудных глаза вспыхнули во тьме. Он медленно осмотрелся. Никого. Слепая зона прямо перед мордой скрывала людей от его взгляда.

Решив, что мясо просто принесли как очередную подачку, зверь лениво поднялся и шагнул к еде.

В тот же миг, прикрываясь его массивным телом, отряд скользнул к двери сокровищницы.

Дерек бросился к замкам. Первый. Второй. Третий. Пальцы дрожали от напряжения. Четвёртый. Пятый.

Последний замок щёлкнул. Дверь распахнулась.

Внутри всё сверкало золотом. И именно в этот миг дракон доел последний кусок. Он услышал звук. Резко развернулся. Из его пасти вырвался рёв, от которого задрожали стены.

Чудовище рванулось к людям, но тяжёлая дверь захлопнулась прямо перед его мордой с таким грохотом, что с потолка осыпалась каменная пыль.

Отряд оказался внутри сокровищницы. Дракон — снаружи.

Теперь им оставалось лишь надеяться, что яд подействует раньше, чем чудовище проломит себе путь внутрь.

13. Смерть и верность

Комната, в которую они вошли, сияла мягким отражённым светом факелов. Огромное пространство было заполнено золотом, серебром и самоцветами, и отблески огня ложились на стены так, что казалось, будто сама пещера дышит теплом и в ней скрыто движение.

На несколько мгновений все замерли, не в силах поверить, что дошли до конца. Затем напряжение, державшее их всё это время, прорвалось. Кто-то рассмеялся, кто-то закричал от облегчения, кто-то обнял соседа, а кто-то просто опустился на колени, позволяя себе впервые за долгое время перестать держаться. Они были живы, и они дошли.

Все, кроме Пароса, бросились собирать сокровища.

Он искал только одно. Открывая сундук за сундуком и перебирая шкатулки, он не обращал внимания ни на золото, ни на камни, пока наконец не нашёл то, ради чего прошёл этот путь.

Хрустальная шкатулка лежала в глубине неприметного сундука, и внутри неё находилось кольцо — золотое, усыпанное бриллиантами, с редчайшим камнем в центре, который не был просто огранён, а представлял собой цельный осколок небесного тела.

Парос осторожно поднял находку.

— Я нашёл, — сказал он тихо. — Нам нужно уходить.

В его голосе не было радости. Только холодная решимость. Они подошли к выходу. За дверью стояла тишина.

Парос первым приоткрыл её и выглянул наружу, после чего жестом позволил остальным двигаться.

Дракон спал. Он лежал у подножия стены, словно пытался подняться и не смог, тяжело дыша и не реагируя на происходящее. Отряд выстроился и один за другим покинул логово, двигаясь почти бесшумно, стараясь не задеть ни камень, ни воздух.

Путь лежал вверх.

В темноте над ними тянулись канаты, по которым они спускались, и теперь именно они становились единственным шансом выбраться отсюда.

Первым поднялся Рендел, действуя довольно быстро. Через мгновение сверху послышался тихий скрип — он уже приводил в движение лебёдку.

Сначала подняли сокровища. Затем начали подниматься сами. Последней выбралась Эльба.

Оказавшись наверху, они остановились и посмотрели вниз.

Дракон всё ещё лежал. Но покой оказался обманом. Его тело дрогнуло. Он пробудился. Сначала движения были неуверенными, словно он не понимал, где находится. Затем в них появилась сила. Он метался по пещере, цепляясь когтями за камень, сбивая обломки и выдыхая пламя в разные стороны, будто отбиваясь от невидимой угрозы.

Усыпляющий порошок в мясе оказался слишком слабым.

Шум привлёк стражу. Через ворота в пещеру ворвались нурлаксы. Увидев дракона в таком состоянии, командир без колебаний отдал приказ. Его нужно было уничтожить. Таков был закон.

Внутрь закатили гарпун — тяжёлое, медленное оружие, созданное для одного удара.

Стражники ждали. Дракон увидел их. Он не напал, не защитился. Он замер, словно до последнего не верил, что опасность исходит от тех, кому он служил.

Раздался щелчок, затем свист. Гарпун вошёл точно в грудь дракона. Удар прошёл сквозь всё тело, и оно содрогнулось, как будто сама сила, державшая его в этом мире, на мгновение ослабла. Из пасти вырвался дым, движения стали рваными, а блеск чешуи начал тускнеть.

Через несколько секунд он рухнул. Тяжело и навечно. Так закончилась жизнь того, кто был верен своему долгу до конца.

На краю утёса стояли люди. Никто не отводил взгляда.

— Они убили его... за что? — тихо сказал Дерек. — Он просто выполнял свою роль стража.

— Потому что таков закон, — ответил Парос, и в его голосе не было ни уверенности, ни оправдания.

Остальные молчали. Легенды говорили о мудрости нурлаксов. Но сейчас перед ними была лишь холодная сторона этой силы. Когда пещера скрылась за поворотом, отряд развернулся и ушёл.

До самого леса никто не произнёс ни слова. Лишь у края Волшебного леса они остановились, развели костёр и сели вокруг него, сохраняя ту же тяжёлую тишину.

Над ними кружил ворон. Он двигался медленно и словно осмысленно, будто всматривался в каждого из них.

— Парос... ты нашёл то, за чем мы пришли? — тихо спросила Эльба.

Он молча открыл шкатулку. Кольцо вспыхнуло в огне костра. В этот момент ворон каркнул и исчез в темноте. Никто ничего не сказал, но каждый почувствовал, что всё произошедшее было лишь началом куда более опасного пути.

14. Венчание

Подготовка к венчанию началась неожиданно и почти сразу превратилась в необходимость приготовиться быстро, потому что времени на привычные для людей традиции у них не было, а путь требовал движения вперёд.

У Пэи не оказалось платья, и сшить новое за такой короткий срок было невозможно, однако Анна не стала обсуждать это вслух. Она молча достала из старого сундука аккуратно сложенный свёрток, который хранила многие годы.

Она протянула его Пэе и тихо сказала, что это её свадебное платье, которое она когда-то берегла без ясной причины, а теперь наконец поняла, для чего именно.

Пэя развернула ткань осторожно, словно боялась повредить что-то большее, чем просто вещь, и увидела светлое платье с мягкой вышивкой по подолу, чуть потускневшей от времени, но от этого кажущейся только более живой и настоящей.

Она сразу поняла, что платье ей велико, и сказала об этом, однако Анна лишь спокойно ответила, что его можно подогнать, если сделать это самой.

В тот же вечер Пэя села с иглой и нитью за платье, подшивая его неровными, местами поспешными стежками.

Когда работа была закончена, она примерила платье и увидела, что оно не стало идеальным, но стало её вещью.

В день венчания она вышла босиком, чувствуя под ногами прохладную траву, влажную от утренней росы, и это ощущение неожиданно помогло ей успокоиться.

Волосы она не стала убирать, а лишь надела на голову венок из полевых цветов, которые собрала сама, оставляя в своём образе только то, что было по-настоящему её.

Парос заметил её ещё до того, как она подошла ближе, и на мгновение замер, потому что видел её разной, но такой — впервые. Он ничего не говорил, но Пэя в его взгляде прочла всё, что он хотел сказать, и, приблизившись, почувствовала, как волнение, которое она старалась не показывать, становится сильнее.

Он тихо произнёс, что они всё ещё могут остановиться и не вступать в союз, но в его голосе было не желание отступить, а лишь попытка дать ей выбор до самого последнего момента. Пэя ответила улыбкой и спокойно сказала, что не хочет отказываться от замужества, потому что уже приняла решение.

Они встали друг напротив друга без привычных для церемонии атрибутов, без жреца и без формальных свидетелей, оставив рядом только тех, кто прошёл с ними этот путь и стал частью их жизни.

Перед началом Пэя почувствовала, как учащается её дыхание, и поняла, что это не от страха, а от волнения, которое делает происходящее настоящим.

Она посмотрела на Пароса и увидела в его взгляде ту же, что и у неё, напряжённость, которую он не пытался скрыть, и это неожиданно придало ей уверенности.

Они обменялись кольцами без длинных слов и без заранее подготовленных клятв, потому что всё, что им нужно было сказать, уже давно прозвучало между ними.

Когда его пальцы коснулись её руки, Пэя на мгновение задержала дыхание, а когда она надела кольцо ему на палец, её руки слегка дрогнули, и в этом движении было больше правды, чем в любой идеальной церемонии.

Он притянул её к себе не сразу, и это короткое ожидание сделало момент ещё более ощутимо важным, а затем поцеловал её так, как целуют, когда больше ни в чем не сомневаются и ни от чего не отступают.

Пэя улыбнулась, и вместе с её улыбкой исчезло напряжение, которое сопровождало их всё это время.

Вокруг них зазвучали голоса, кто-то рассмеялся, кто-то начал говорить сразу слишком много и слишком быстро, и это живое, неупорядоченное выражение радости оказалось важнее любых официальных слов.

Эльба не смогла сдержать эмоций и, шагнув вперёд, крепко обняла Дерека, словно разделяла с молодожёнами этот момент не меньше, чем они сами.

Дерек сначала растерялся от неожиданности, потому что не привык к таким проявлениям, но затем рассмеялся и ответил ей тем же, принимая эту радость так же искренне.

Рендел стоял чуть в стороне, однако даже он не смог скрыть, как изменилось выражение его лица, потому что в этот момент радость оказалась сильнее привычной сдержанности.

Пэя впервые за долгое время почувствовала не тревогу о будущем, а спокойствие, которое не зависело от того, что будет дальше. Парос стоял рядом, и его присутствие оказалось важнее всего остального.

Дальнейший путь не станет легче, но теперь он больше не кажется одиноким, потому что они пойдут по нему вместе.

15. Огонь и пепел

После венчания молодожёны возвращались домой в украшенной карете, тогда как остальные сопровождали их верхом, всё ещё находясь под впечатлением от тихой, почти сказочной церемонии, которая казалась слишком светлой и мирной для мира, привыкшего к боли и жестокости.

Однако стоило им приблизиться к дому Анны, как ощущение праздника рассеялось мгновенно.

У ворот стояли три незнакомые кареты. Ни одна из них не принадлежала местным. Дерек первым спешился и настороженно прищурился.

Анна, увидев чужих, побледнела почти незаметно, но этого оказалось достаточно, чтобы он понял: добром этот вечер не закончится.

— Оставайтесь в карете, — тихо бросил Дерек остальным. — И будьте готовы уехать по первому сигналу.

Не дожидаясь ответа, он вместе с Анной направился к воротам.

У входа их уже ждала группа вооружённых мужчин.

Вперёд выступил пожилой человек с лицом, искажённым такой яростью, что казалось, будто сама ненависть удерживает его на ногах.

— Вы хозяйка этого дома? — спросил он.

— Да, — спокойно ответила Анна. — Меня зовут Анна. Чем обязана?

Старик шагнул ближе.

— Прекрасно. Тогда скажи, где моя дочь?

Анна выдержала его взгляд.

— Боюсь, вы ошиблись домом.

— Нет, — процедил он сквозь зубы, — я не ошибся. Сегодня моя дочь собирается совершить величайшую ошибку в своей жизни. И я приехал остановить её. Где Пэя?

Дерек медленно положил ладонь на рукоять меча.

— Следи за языком, старик, — холодно произнёс он.

— А ты кто такой, ублюдок? Её новый любовник?

За считанные секунды разговор превратился в открытую вражду. Анна едва заметно подняла руку, останавливая Дерек.

— Её здесь нет, — сказала она.

Но Дерек уже понял, что ложь никого не убедила. Он резко свистнул. Сигнал услышали мгновенно.

Карета с Пэей развернулась и тронулась назад. Остальные рванули следом. Все, кроме Эльбы.

Она спрыгнула с седла и встала рядом с Дерек.

— Девять против двоих, — сухо заметила она, оценивая силы противников. — Бывало и хуже.

И в тот же миг старик взревел:

— Спалить всё! Пусть эта шлюха либо вылезает из норы сама, либо сгорит внутри!

Наёмники хвятили факелы и бутылки с горючей смесью. Первый огненный снаряд ударил в крышу. Дом мгновенно вспыхнул.

Пламя взметнулось вверх с такой скоростью, будто само ждало этого часа.

— Анна, стой! — крикнул Дерек, когда женщина рванулась к дому.

Но она уже не слышала. Наёмники бросились в атаку. Сталь столкнулась со сталью.

Эльба встретила первого ударом такой силы, что у того сломалась шея ещё до падения на землю. Дерек двигался быстро, уходя от клинков и отвечая смертоносными выпадами, однако врагов было слишком много, и каждый из них явно знал своё дело.

Дом за их спинами ревел огнём. Пламя пожирало балки, стекало по стенам, рвалось в ночное небо.

И тогда с небес спустился ворон. Он описал круг над домом и каркнул так протяжно и зловеще, словно сам воздух отозвался на его зов.

Мир содрогнулся. Невидимая сила ударила по земле. Дерека отбросило в сторону с такой мощностью, что он ударился затылком о валун и потерял сознание.

Эльбу швырнуло на старую рогатину, и костяное острие вошло ей в бок. Она закричала, впервые за всё время позволив боли вырваться наружу.

А затем огонь изменился. Он перестал быть обычным пламенем. Он замер. Застыл. Словно живое существо, получившее приказ остановиться. Во втором этаже горящего дома возник силуэт. Женщина. Она стояла в самом сердце пламени — и не горела. Огонь не касался её. Он кружил вокруг неё, подчиняясь каждому движению, как свора преданных зверей вокруг хозяйки. Её волосы развевались, словно были сотканы из золы и искр. Глаза сияли ослепительным белым светом. Она шагнула в пустоту. И не упала. Пламя подняло её в воздух. Анна медленно развела руки. И мир вспыхнул.

Огонь вырвался прямо из-под ног нападавших. Но это был уже не просто жар. Это была воля ведьмы. Чистая, яростная, беспощадная.

Пламя пожирало мужчин заживо, проникая сквозь одежду, плоть и кости, но не позволяя умереть быстро. Их крики разрывали ночь. Они падали, катались по земле, молили о пощаде, но женщина в огне не знала жалости.

Через несколько минут всё было кончено. На земле лежали лишь обугленные тела. А дом превращался в руины. Именно тогда карета с Пэей и остальными вернулась.

Парос первым выскочил наружу.

— Оставайся в карете, — приказал он жене.

Но Пэя не слушала. Пробежав мимо дымящихся трупов, она вдруг резко остановилась. А затем рухнула на колени. Перед ней лежало обгоревшее тело.

— Нет... — прошептала она. — Нет... нет, этого не может быть... — Она задыхалась. — Это мой отец...

Мир снова рухнул.

— Он приехал за мной... — всхлипывала она. — И устроил всё это... Боги... зачем?..

Парос опустился рядом и молча прижал её к себе.

Тем временем остальные искали выживших.

Эльбу нашли за домом, она лежала среди брёвен, бок у нее был пробит.

Дерек обнаружился неподалёку — без сознания, но живой. Когда он пришёл в себя, его голос дрожал.

— Она... горела... летала... убивала огнём...

Парос резко поднял голову.

— Где Анна?

Ответом была тишина. Рендел обыскивал руины.

Внутри не осталось ничего. Ни мебели. Ни стен. Ни тела. Анна исчезла.

У сарая послышался шорох. Под обгоревшими досками дрожал маленький мальчик.

— Как тебя зовут? — спросила Пэя, с трудом сдерживая слёзы.

— Макс... — прошептал он. — Я шкурки мисс Анне приносил... Сегодня пришёл поздно... А брат... брат был со мной... он пошёл в дом...

Парос нашёл тело подростка среди руин. Крик Макса долго стоял в ушах каждого. Похороны состоялись в тот же день.

Когда последний костёр догорел, Парос посмотрел на своих спутников и тихо, но твёрдо произнёс:

— Теперь на нас объявлена охота. Кто выдал нас — мы, возможно, никогда не узнаем. Но оставаться здесь значит ждать новой смерти. Мы уходим этой же ночью. Отправимся в снежные земли, к дому Дерека. Там переждём бурю. Там дождёмся рождения ребёнка. А потом будем решать, как жить дальше.

Никто не спорил.

Потому что за один вечер они потеряли дом, покой и последнюю иллюзию того, что счастье можно просто взять и удержать. Они покидали это место под запах пепла и дыма.

И каждый из них понимал: жизнь, которую они знали прежде, закончилась здесь. Среди руин сгоревшего дома.

Глава 2

1. Падшие с небес

Задолго до того, как человек впервые осмелился назвать себя хозяином земли, а ящеры поднялись в небо на крыльях своей новой силы, мир уже был отмечен прикосновением звёзд.

Небо раскалывалось огненными полосами, и небесные тела падали в пустынные земли, оставляя после себя дымящиеся кратеры, от которых веяло силой, чуждой всему живому. Люди обходили эти места стороной, звери не приближались к ним вовсе, ибо сама природа чувствовала: в ранах земли зарождается нечто, чему не было места под этим солнцем.

В глубине одного из таких кратеров, внутри расколовшегося небесного камня, начали открываться каменные саркофаги. Из них выходили первые маги — существа, лишь отдалённо напоминавшие людей. Их кожа переливалась под солнечным светом будто поверхность воды, а в жилах текла кровь, насыщенная звёздной пылью, принесённой из бездны космоса. Их глаза видели дальше человеческих, слух различал звуки, недоступные зверю, а сама ткань мира, казалось, отзывалась на их присутствие.

Но величайшая их особенность заключалась не в силе, а в природе их рождения.

Маги приходили в этот мир попарно, и каждый с момента пробуждения чувствовал существование другого. Не видя своей пары, не зная её имени и лица, они всё равно безошибочно находили друг друга через леса, горы и моря, будто сама вселенная не позволяла им остаться порознь. Лишь воссоединившись, они обретали полноту своей силы, и только тогда становились тем, чем были предназначены стать.

Так появилась первая тысяча пар.

Тысяча существ, наделённых дарами, которых земля прежде не знала.

Одни заставляли леса вырастать за ночь там, где ещё вчера лежал голый камень. Другие обращали плоть в прах одним прикосновением. Некоторые подчиняли разум, иные повелевали огнём, водой, ветром или камнем, а были и те, кто понимал язык зверей так же ясно, как человеческую речь.

Поначалу маги держались в стороне от иных разумных рас. Они наблюдали за этим миром, изучали его законы, присматривались к существам, населявшим землю. Однако чем больше они узнавали их, тем сильнее в них крепла уверенность в собственной исключительности, а вместе с нею росла и гордыня.

Когда люди заключили союз с ящерами и положили начало новой эпохе, маги увидели в этом не исторический перелом, а вызов. Они не могли принять мысль о том, что два биологических вида, которых считали низшими, будут делить между собой мир, который, по их убеждению, должен был принадлежать существам более совершенным.

Так началась первая великая война. Она длилась десятилетиями и изменила сам облик мира. Под натиском магии рушились горы, леса выгорали до основания, моря выходили из берегов, а времена года смешались так, будто сама природа утратила понимание собственного порядка. Земля стонала под тяжестью силы, к которой не была готова.

Но даже маги, обладавшие мощью, близкой к божественной, не сумели сломить тех, кого считали слабее себя. Люди и ящеры выстояли. Они платили за каждый клочок земли кровью, но выстояли.

Когда стало ясно, что победа недостижима, маги отступили в горы, где среди ледяных вершин и вечных снегов возвели скрытую общину, решив сохранить свой род и дожидаться часа, когда смогут вновь заявить о себе.

Однако время изменило даже их. Звёздная кровь, когда-то одинаково яркая во всех, начала вести себя иначе. Одни маги утрачивали дары и становились обычными смертными, у других же, напротив, менялось тело, всё дальше уходя от человеческого облика. У некоторых появлялась чешуя, у других — рога, когти, перья или жабры; кто-то переставал чувствовать холод, кто-то мог дышать под водой, а иные проходили сквозь пламя, не получая ожогов.

Маги называли это эволюцией и считали доказательством собственного превосходства, хотя на деле именно эти перемены постепенно отдаляли их от первоначального совершенства.

Со временем их осталось слишком мало, чтобы вновь покорить мир силой. Тогда они выбрали другой путь. Они спустились к людям и предложили им не войну, а чудо. Маги становились лекарями, советниками, пророками, мудрецами при дворах правителей. Они исцеляли неизлечимых, предсказывали засухи, спасали города от мора и потому очень быстро превратились в тех, кого человечество начало называть богами.

Храмы росли в их честь. Им приносили дары. Перед ними склоняли головы короли. Но и этого оказалось мало. Жажда власти, однажды уже приведшая их к войне, никуда не исчезла. Теперь она лишь приняла более тонкую форму.

Маги шептали правителям на ухо, сталкивали народы друг с другом, творили чудеса для одних и проклятия для других, сознательно сея ненависть и раскол. Они позволяли человечеству верить, будто войны ведутся во имя богов, хотя на самом деле каждая такая война лишь укрепляла власть тех, кто скрывался за образом божественного.

Горели города. Падали царства. Народы вырезали друг друга до последнего младенца, не понимая, что их руками вершится чужая воля.

И тогда вмешались нурлаксы. Они долго оставались в стороне, считая войны людей их собственной бедой, однако настал миг, когда даже крылатый народ понял: если магов не остановить сейчас, на земле не останется никого.

Началась не война, а истребление. Магов выслеживали десятилетиями. Их убивали в горах, вытаскивали из дворцов, сжигали на площадях, топили в реках, вешали, четвертовали и отдавали на съедение зверям. Человечество, ещё недавно преклонявшееся перед чудотворцами, теперь с такой же страстью наслаждалось их казнями.

Когда сильнейшие из магов были наконец пленены, нурлаксы не подарили им быстрой смерти. Их заточили в недрах скалы так глубоко, что до места заключения не доходил ни солнечный свет, ни человеческий голос. Гора ещё многие годы стонала от криков умирающих, и люди, слышавшие этот гул, приносили к её подножию жертвы, полагая, будто сами боги говорят с ними из недр земли.

Позднее эту гору назовут Олпус. Старые боги исчезнут. Им на смену придут новые — вымышленные, понятные, безопасные. Но страх перед магами уже пустит корни. Тех, кто сумел пережить истребление, добивали без жалости. Дар стал клеймом, означавшим смерть. Любой ребёнок, проявивший силу, обрекал себя и свою семью на сожжение на костре.

Казалось, маги исчезли навсегда. Но перед окончательной расправой над ними было принято решение, значение которого тогда не понимал почти никто.

Последнего мужчину заточили глубоко под землёй — в сердце владений нурлаксов. Последнюю женщину заковали в цепи на далёком острове, окружённом вечной стражей. Их не убили. Их сохранили как напоминание о том, что даже пришедшие со звёзд могут пасть.

Однако ненависть никогда не исчезает вместе с побеждёнными. Она передаётся через кровь, память и боль. Она ждёт. И однажды мир вновь должен был вспомнить о тех, кто пал с небес.

Потому что некоторые войны не заканчиваются даже спустя века — они лишь замирают, чтобы однажды вспыхнуть вновь.

2. Кьяна

Раннее утро — для Кьяны любое время суток считалось ранним, если комнату заливал солнечный свет. Она неизменно улыбалась первым лучам, касавшимся её лица, и никогда не спешила подниматься, позволяя себе несколько драгоценных минут покоя, принадлежавших только ей.

Обычно её дни были расписаны почти по минутам, однако это утро стояло особняком.

Потянувшись, Кьяна перевернулась на бок и вновь прикрыла глаза, наслаждаясь тёплым светом. Её спальня находилась на чердаке хижины, который родители достроили несколько лет назад, когда ей исполнилось шестнадцать — возраст становления, когда юный маг вступал в новую ступень своей жизни.

Кьяна была дочерью вождя племени и Агаты — жрицы храма, возведённого людьми в честь магов. Сегодня ей предстояло обрести свою истинную силу.

До этого дня она владела двумя дарами. Первый позволял ей нырять на невероятную глубину и часами находиться под водой без воздуха; после таких погружений на её шее проступали тонкие жабры, однако сама Кьяна всякий раз предпочитала сушу. Вторым даром была левитация: она не могла летать высоко среди облаков, как некоторые из её сородичей, но подниматься силой мысли к самой вершине высокого дерева для неё не составляло труда.

Эти способности не могли сосуществовать в ней вечно. Сегодня духи предков должны были сделать выбор. Больше всего на свете Кьяна надеялась сохранить умение летать. Если так случится, она останется в племени — рядом с родителями, друзьями... и Лаурилом.

С неохотой покинув своё ложе, девушка спустилась вниз, где её уже ждала мать.

Агата происходила из древнего рода магов и носила титул Хранительницы — жрицы Вечного Огня в Пещере Предков. Её огненно-рыжие волосы и холодные голубые глаза делали внешность почти пугающей, а слухи о подвластных ей стихиях огня и воды породили немало легенд; люди говорили, будто одним лишь взглядом она способна обратить целую деревню в пепел.

И всё же за этой грозной славой скрывалась женщина удивительно спокойного нрава.

Сегодня перед Кьяной стояла не могущественная жрица, а мать.

— Доброе утро, моя девочка. Готова ли ты к обряду?

— Прекрасное утро, мама. Я готовилась к этому дню всю жизнь и верю, что предки дадут мне именно тот дар, который мне предназначен.

Ни одна из них не подозревала, что это утро принесёт их семье величайшее испытание.

Лаурил жил в том же селении. С самого рождения окружающие считали их предназначенными друг другу — двумя половинами единого целого, которым однажды суждено соединиться.

Однако истина была куда сложнее. Лаурил обладал всем, что делало мужчину опасно привлекательным: высоким ростом, безупречной осанкой, светлыми волосами и ярко-синими глазами, способными приковывать к себе взгляды. Он прекрасно знал о производимом на окружающих впечатлении и пользовался этим без всякого стеснения.

Но за красивой внешностью скрывался человек самолюбивый, своенравный и внутренне холодный. Роль идеального спутника Кьяны он исполнял лишь потому, что так было удобно старейшинам. Его истинным даром являлась возможность по-настоящему летать, и именно она позволял Лаурилу отлетать на десятки километров от селения — туда, где магов никто не знал и где он мог наблюдать за людьми, изучать их жизнь и наслаждаться тем подобием свободы, которого не находил дома.

Общинная дисциплина, бесконечные ритуалы и слепое следование традициям вызывали у него раздражение. Однако и человеком он становиться не желал. Лаурил искал не принад-

лежность к какому-либо роду, а превосходство над ним. Любовь, забота и сострадание казались ему проявлением слабости.

Кьяна была ему удобна. Её существование прикрывало его исчезновения и избавляло от лишних вопросов. И всё же даже он не мог до конца разорвать ту древнюю связь, что когда-то возникла между ними. Кьяна любила свой дом, свою веру, своих родных; Лаурила она не любила, но их негласное соглашение вполне устраивало её. Пока он улетал к людям, она сама тайком спускалась в человеческие поселения и наблюдала за людьми издали. Её всегда волновала судьба мира за пределами гор, и в глубине души она мечтала однажды изменить ход истории — примирить магов, людей и нурлаксов.

Однако в самой общине давно зрели иные настроения. Дети без дара не рождались уже много поколений, и вера в чистоту магической крови с каждым годом лишь крепла. Некоторые старейшины всё чаще говорили о грядущем господстве, будто время возвращения к прежнему величию было уже близко.

Обряд проходил в Пещере Предков. Именно там хранились остатки космической пыли — древнего наследия, породившего некогда весь их народ. Из неё рождался священный огонь, безвредный для мага и смертельный для любого иного существа.

Юный маг должен был войти в это пламя и выйти из него невредимым. После этого огонь открывал его истинную природу. Так было всегда.

Когда настал час, Кьяна стояла перед живым пламенем, сжимая в руках пергамент с заклинанием. Она знала его наизусть, как и все остальные, но традиция требовала держать свиток в руках, чтобы тот сгорел вместе с её прошлым.

Её сердце билось так быстро, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Только не вода. Только не вода...

Агата ударила в барабан.

С каждым новым ударом Кьяна делала шаг вперед. А затем вошла в огонь. Жар охватил её мгновенно — от ступней до самой макушки. Казалось, по венам вместо крови течёт расплавленный металл, а каждый вдох превращается в мучение. Пламя было повсюду: в воздухе, в коже, в лёгких, в самой её сути... И вдруг всё исчезло. Кьяна рухнула на холодный камень.

Когда зрение восстановилось, она увидела вокруг себя кольцо из встревоженных лиц. Девушка попыталась подняться, но поняла, что тело не слушается.

Она нашла глазами мать и в ту же секунду увидела, что на её лице отразился ужас.

— Что произошло? — едва слышно прошептала Кьяна. — Какова моя сила?

Агата медленно опустилась рядом с ней и, взяв дочь за руку, ответила так тихо, словно сама не верила собственным словам:

— Предки не дали тебе дара, дитя... и забрали те дарования, что были прежде.

Толпа загудела. По пещере прокатились испуганные возгласы, полные неверия.

— Это невозможно...

— Такого не бывало...

— Кто ответит за это?..

— Последует ли изгнание?..

Страх ледяной волной подступил к горлу.

И тогда из толпы вышел Лаурил.

— Расступитесь, ей трудно дышать!

Он опустился рядом, подхватил Кьяну и тихо произнёс ей на ухо:

— Ну и устроила ты переполох. Разбираться будем позже. Обхвати меня за шею.

Собрав последние силы, она подчинилась. Лаурил вынес девушку из пещеры и отнёс в дом. Осторожно уложив её на кровать, он сел рядом.

— Расскажи, что ты чувствовала.

— Огонь... — прошептала она. — Будто я сама стала пламенем. Потом было падение. Темнота. Свет... и ты.

Он внимательно смотрел на неё.

— Ты действительно горела. По-настоящему. Пламя пожирало твою одежду, волосы, кожу — мы думали, ты умираешь. Затем произошла вспышка, и ты рухнула.

Кьяна закрыла глаза, пытаясь осмыслить услышанное.

— Я очень устала... Можно мне поспать?

— Отдыхай, — ответил он. — Я не позволю им причинить тебе вред.

Он поднялся и вышел. Ушёл не из любви. Из расчёта. Если Кьяна лишилась дара, это неизбежно коснётся и его самого, ведь об их связи знало всё племя.

Тем временем в Пещере Предков уже начиналось собрание. Крики и споры разносились далеко за пределы священных стен. И никто ещё не понимал, что случившееся стало началом раскола, который навсегда изменит их племя.

3. Пламя изгнания

— Нет дара в шестнадцать лет? Как такое вообще возможно?

— Закон ясен: тот, кто лишён дара, подлежит изгнанию!

— Решайте, вождь! Что вы скажете теперь?

Толпа гудела так яростно, что голоса сливались в единый гул, похожий на рёв приближающейся бури. Вождь и жрица стояли перед соплеменниками, понимая, что ответа, способного успокоить народ, у них нет.

Агата видела в случившемся не проклятие, а знак. Она верила всем сердцем, что её дочь не выродок и не ошибка природы, а существо, отмеченное судьбой для чего-то большего.

Однако в это верила только она одна. Вождь же смотрел ни на дочь, ни на жену — он смотрел в лица собравшихся и понимал, что беда заключалась не только в произошедшем с Кьяной. Настоящая опасность таилась в самих людях. В их взглядах. В том, как охотно они искали виновного.

— Что скажешь, вождь? — выкрикнул кто-то из толпы. — Твоя дочь стала позором рода! Как у предводителя чистой крови мог родиться такой выродок?

Вождь медленно поднял руку, требуя тишины.

Когда шум немного стих, он заговорил спокойно, но твёрдо:

— Произошло нечто беспрецедентное, и потому спешка сейчас опаснее самой беды. Мы обязаны выяснить, что именно случилось в огне предков. Завтра, когда Кьяна придёт в себя, она расскажет о пережитом. Хранители изучат древние писания. И лишь после этого будет вынесено решение.

Толпа подчинилась неохотно. Люди расходились по домам медленно, всё ещё бросая на дом вождя взгляды, полные подозрения и плохо скрываемой злобы.

Особенный день завершился тревожной тишиной.

По дороге домой Лаурил встретил родителей Кьяны у самого порога.

— Они ведь не прогонят её? — спросил он с нарочитой тревогой. — Мы останемся в племени?

Его голос звучал обеспокоенно, однако страх, скрытый за этими словами, имел совсем иную природу. Согласно закону магов, изгнание одного из пары означало изгнание и второго. Считалось, что если один из предназначенных лишён дара, то и другой более не способен продолжить чистую линию рода, а значит, со временем его сила также обречена угаснуть. Лаурила страшило не изгнание. Его страшила потеря собственного дара.

— Сейчас мы не знаем ответа, — тихо произнёс вождь. — Иди домой. Завтра будь рядом с Кьяной. До вынесения вердикта ты обязан её защищать.

...С первыми лучами солнца у дома вождя уже собралась толпа. На этот раз вождь вышел к народу один. Он понимал: сегодня сдержать гнев толпы будет труднее.

Тем временем Агата поднялась к дочери. Кьяна ещё спала, но сон её был тяжёлым и беспокойным. Жрица осторожно коснулась её плеча.

— Дочь моя, просыпайся. У нас мало времени.

Кьяна с трудом открыла глаза.

— Что случилось?

— Ты должна бежать, — тихо, но твёрдо сказала Агата. — Мы с отцом больше не удержим их. Они пришли не за правдой, а за кровью.

Кьяна резко села.

— Нет. Я останусь. Я всё объясню им. Во мне есть сила — я чувствую её. Она иная, но она жива. Возможно, это огонь... более древний, чем прежние дары. Я научусь владеть им, и они поймут...

— Нет, — оборвала мать. — Ты не понимаешь. Речь уже давно не о тебе. Многие в племени ждали повода выступить против власти твоего отца. Ты лишь стала тем предлогом, которого им недоставало.

— Тогда идём вместе! — в отчаянии воскликнула Кьяна. — Пусть отец оставит их! Мы начнём новую жизнь!

Агата покачала головой.

— Мы с твоим отцом связаны с этим народом слишком крепко. Наш долг — остаться. И выиграть для тебя время. — Она прижала дочь к себе. — Лаурил придёт. Он уведёт тебя. Беги так далеко, как только сможешь.

Кьяна сжалась в объятиях матери, чувствуя, как сердце разрывается от этого прощания.

— Я сделаю, как ты просишь...

Агата поцеловала её в лоб и ушла.

Кьяна ещё долго сидела неподвижно, пытаясь совладать с дрожью. Когда она наконец осмотрела своё тело, то увидела, что кожа её покрыта тонкими шрамами — следами огня, но боль не ощущалась. Более того, раны затягивались прямо на глазах.

Сила действительно жила в ней. Огромная. Чуждая. Непонятная. Но сейчас не было времени разбираться в её природе.

Она собрала немного вещей и в последний раз оглядела дом, в котором выросла. Всё внутри было прибрано так тщательно, будто семья ждала гостей, а не собственной гибели.

Полчаса спустя появился Лаурил.

За плечами у него висел рюкзак.

— Идём, — коротко сказал он. — Немедленно.

Они покинули дом и направились к окраине селения.

Улицы были пусты. Все маги собрались у Скалы Предков. Именно там Кьяна увидела то, от чего у неё перехватило дыхание.

Перед входом в пещеру возвели деревянный помост. В землю были вкопаны два столба, у основания которых уже лежал хворост. Рядом стояли бочки с водой и факелы. Это было не собрание. Это было судилище. И место казни.

На помост вышел Амнис — маг, который многие годы мечтал занять место её отца.

— Совет изучил произошедшее и вынес решение, — громко объявил он. — Вождь и его семья признаны виновными в сокрытии выродка и осквернении крови племени. Приговор — смерть.

— В чём вина моя и моей семьи? — спокойно спросил вождь.

Амнис усмехнулся.

— Ты укрывал выродка среди нас.

— Её дары были явлены всему племени.

— Лишь потому, что её мать скрывала правду. Все знают: Агата изучала тёмную материю. Всякий раз, когда девочка являла силу, жрица находилась рядом. Никто никогда не видел её дара без участия матери. Значит, всё это было ложью. Колдовством. Обманом.

— Ты обвиняешь жрицу нашего народа? Женщину, принимавшую роды у ваших жён и обучавшую ваших детей? — в голосе вождя впервые прозвучал гнев.

— Довольно, — оборвал его Амнис. — Вердикт вынесен... Привязать их!

Кьяну сковал ужас.

Её родителей подвели к столбам и крепко связали.

— Поджечь!

Факелы опустились одновременно.

Пламя взметнулось вверх.

— Я люблю тебя, мой вождь! — крикнула Агата сквозь ревущий огонь.

— И я люблю тебя, моя жрица! — ответил он.

Они горели молча. Не умоляли. Не кричали. Не просили пощады. Лишь в последнее мгновение, когда пламя уже пожирало лицо Агаты, она подняла голову к Амнису и выкрикнула:

— Твоя смерть будет страшнее нашей! Ты умрёшь от руки людей!

Толпа содрогнулась. Проклятие жрицы прозвучало так, будто сама судьба приняла его в этот миг.

Амнис лишь рассмеялся. Он не верил в чужую силу. Он верил только во власть.

Когда огонь погас, толпа разошлась праздновать рождение нового порядка.

Тела бывших правителей сняли лишь немногие из тех, кто ещё хранил им верность, но даже они не осмелились похоронить их открыто. Имена погибших были запрещены. Любое упоминание каралось смертью.

Так началось правление Амниса. Диктатура пришла быстро.

Работать заставляли больше прежнего. Стены селения укрепили. У ворот выставили усиленную стражу. Разведчиков регулярно отправляли к людям — выискивать признаки мнимого заговора.

Но сильнее всех Амнис боялся не людей. Он боялся пророчества. Каждую ночь ему снилась смерть. Каждую ночь он видел людей, проходящих за ним. Он просыпался в холодном поту и с каждым днём всё глубже погружался в собственное безумие. Жена и сын были удалены. Советники отстранены. Приказы всё чаще отдавались из-за запертой двери.

А в это время в селении подрастало новое поколение магов — тех самых, которые в день казни были ещё слишком юны, чтобы возразить. Они не признавали нового вождя. И им не хватало лишь лидера. И потому правление Амниса было обречено с самого начала. Проклятие уже пустило корни в его разуме. Оставалось лишь дожидаться часа, когда оно исполнится. Но это будет позже.

А пока двое беглецов покидали родной дом, не зная, что впереди их ждёт мир, который изменит их навсегда.

4. Чёрный лес

Погони за ними не было, и Лаурил с Кьяной понимали это с самого начала. Никто не отправился по их следу, не поднял тревогу и не выслал дозорных, потому что племя решило иначе: изгнанники сами погибнут за пределами родных земель, а значит, руки их бывших соплеменников останутся чисты.

До равнины они добрались без происшествий. Там, у старого вяза, их уже ждали две лошади, привязанные к толстому стволу дерева, — предусмотрительность Лаурила вновь оказалась весьма кстати. Оседлав животных, беглецы направились прочь от прошлого, оставляя за спиной дом, семью и всё, что ещё вчера составляло их жизнь.

Первой остановкой стала небольшая деревня людей, куда Кьяна прежде иногда тайком спускалась. Здесь ей были знакомы и улицы, и лица, и запах дыма над крышами, однако теперь даже это место казалось чужим, словно прежний мир перестал существовать в тот миг, когда пламя поглотило её родителей.

Они вошли в таверну, чтобы поесть и перевести дух. Лаурил, сидевший напротив, опёрся локтями на грубо сколоченный стол и говорил спокойно, почти буднично, словно обсуждал не бегство от казни, а обыкновенную смену места жительства.

— За горным хребтом строится город нурлаксов, который называют Рижецфортом. Нам стоит отправиться туда, поскольку им постоянно требуется рабочая сила. С моими способностями я быстро найду себе место при строительстве или страже, а ты сможешь устроиться в лечебницу, потому что хорошие травницы нужны везде.

Кьяна слышала его, однако слова доходили до неё будто сквозь воду. Она смотрела на Лаурила, на кружку в его руке, на свет, скользивший по деревянной столешнице, и всё происходящее казалось ей чужим и далёким, словно жизнь, которую она проживала сейчас, принадлежала кому-то другому.

О Рижецфорте она прежде не слышала. Ей было неизвестно, что город строят представители всех биологических видов сразу и что задумывался он как символ новой эпохи, где смогут жить те, кто по тем или иным причинам лишился дома. Впрочем, Кьяна ещё не знала, что идеалы почти никогда не переживают столкновения с действительностью.

— Ты меня вообще слушаешь? — спросил Лаурил, заметив её отсутствующий взгляд.

Она моргнула и с усилием вернулась в реальность.

— Слушаю. Просто не понимаю, как всё это произошло. Ещё вчера у меня был дом, была семья, была жизнь, а сегодня мы стали изгнанниками.

Лаурил некоторое время молча смотрел на неё, после чего ответил ровным голосом:

— Мы не изгнанники, Кьяна. Мы всего лишь люди, которые ищут своё место в мире, а в этом нет ни позора, ни конца. Есть только новый путь.

Она кивнула, хотя сама не до конца верила этим словам.

— Хорошо. Тогда води.

Когда они покинули деревню, на её окраине их ожидала неожиданная встреча.

У старой коновязи, лениво прислонившись к покосившемуся забору, стоял человек, которого Лаурил узнал сразу.

Это был Канц — местный разбойник, контрабандист и мошенник, пользовавшийся дурной славой даже среди тех, чья совесть давно была продана. К счастью для Лаурила, именно этот человек задолжал ему весьма крупную сумму в золотых монетах.

Долг Канц вернул без споров, хотя по выражению его лица было ясно, что каждая отданная монета причиняет ему почти физическую боль.

— И куда же путь держит столь почтенная компания? — прищурившись, спросил он.

— А тебе с какой целью это знать? — усмехнулся Лаурил.

Канц развёл руками.

— Видишь ли, не только тебе я должен в этих краях, и потому всё чаще думаю, что настало время искать новое место для жизни. Предлагаю объединиться, если, конечно, моя компания не ранит твоего чувства прекрасного.

— Моё чувство прекрасного ты ранишь уже одним своим существованием, — сухо ответил Лаурил, — однако нам действительно нужен проводник. Ты ведь знаешь здешние леса лучше других?

— Почти лучше всех.

— Тогда проведёшь нас через Чёрный лес.

Канц приподнял бровь.

— А взамен?

— Место в Рижецфорте. Если слухи о городе хотя бы наполовину правдивы, там ты зарабатываешь больше, чем здесь.

Разбойник задумался лишь на мгновение.

— По рукам.

Так их стало трое.

Кьяна не доверяла Канцу ни на йоту. Его улыбка казалась ей слишком острой, взгляд — слишком цепким, а каждое движение выдавало человека, привыкшего прежде всего думать о собственной выгоде. Однако выбирать спутников им не приходилось.

Если бы решение зависело от неё, она вовсе не покинула бы горы. Она осталась бы среди руин своей прежней жизни и попыталась понять силу, пробудившуюся внутри неё, но теперь её путь уже был определён, и всё, что ей оставалось, — идти вперёд.

К вечеру перед ними раскинулся лес. Его называли Чёрным. Старые сказания утверждали, что в его глубинах скрываются разбойничьи банды, маги-отступники, чудовища, рождённые древней магией, и иные существа, которым лучше не давать имён.

— Что ж, назад дороги всё равно нет, — произнёс Канц и первым двинулся вперёд.

Они вошли под своды чёрных дубов, чьи кроны переплетались так плотно, что солнечный свет почти не проникал сквозь листву. Ветер шептал в ветвях тревожно и глухо, и от этого шёпота по коже невольно пробежал холод.

Они шли быстро, стараясь выбраться из леса до наступления темноты, однако вскоре стало ясно, что сделать этого не удастся.

— Нужно сделать привал, — тихо сказал Канц, вглядываясь в сгущающиеся тени. — Немедленно.

Через некоторое время впереди показался огромный поваленный дуб, чьи вывороченные корни образовывали подобие естественного грота.

Лаурил в знак одобрения кивнул, и отряд расположился внутри.

Костёр разводить не стали, опасаясь привлечь чьё-либо внимание, и потому ужинали в тишине, довольствуясь сухими припасами.

Первым уснул Канц. Лаурил остался на страже. Кьяна лежала рядом, глядя в темноту и понимая, что сна не будет.

Перед её глазами снова и снова вставало пламя, пожирающее родителей; в ушах звучал последний крик матери, а в памяти вновь оживал запах горящей плоти.

Но страшнее воспоминаний была сила, жившая теперь внутри неё. Она ощущала её постоянно — тяжёлую, чуждую, бездонную, будто под собственной кожей скрывалось нечто древнее и голодное.

И чем дольше Кьяна прислушивалась к этому ощущению, тем яснее понимала: сила, пробудившаяся в ней, не принадлежала её народу. Она была иной. Совсем иной. Лишь глубокой ночью усталость наконец одолела страх, и Кьяна погрузилась в тревожный сон.

А лес вокруг продолжал жить своей собственной жизнью, будто присматриваясь к тем, кто осмелился нарушить его покой. Ночь только начиналась.

5. Зов леса

Резкий свист рассёк утреннюю тишину прежде чем Кьяна успела понять, что происходит. Она вскочила, озираясь по сторонам, но вокруг не было ни души. В следующее мгновение свист повторился, и стрела пронеслась у самого её уха, заставив девушку инстинктивно рухнуть на землю. Вторая ударила в рюкзак и пригвоздила его к корням дерева.

— Выходи! Медленно, с поднятыми руками, и без глупостей, маг! — прогремел мужской голос.

Кьяна поднялась, чувствуя, как сердце бешено колотится о рёбра, однако лицо её осталось спокойным. Медленно подчинившись приказу, она вышла вперёд.

На поляне её уже ждали шестеро: пятеро вооружённых мужчин и женщина в доспехах, державшая лук наготове. На груди каждого красовался герб короля.

Лаурила и Канца рядом не было. Либо их убили, либо схватили.

— Из какого ты поселения? — спросил бородатый мужчина, по всей видимости, старший среди них.

— Из горного, — ответила Кьяна ровно.

— Что тебе здесь нужно?

— Я путешествую. Разве это запрещено?

Мужчина прищурился.

— Нет. Но я не верю, что маг пересекает Чёрный лес в одиночку.

— Я одна. Это мой путь. Я никому не причинила вреда и не собираюсь причинять.

Лишь теперь она сумела оглядеться и почувствовала, как холод пробежал по спине. Вокруг не было ни поваленного дуба, ни корней, под которыми они укрывались ночью. Вместо них возвышались ели, серые скалы и поросший мхом склон.

— Почему у тебя три поклажи? — продолжал допрос командир.

— Потому что путь долгий. Я направляюсь в Рижецфорт.

При упоминании города выражение его лица изменилось.

— С какой целью?

Кьяна выпрямилась.

— Что за допрос, сэр? Я не нарушила никаких законов. За что в меня стреляли? Я свободна и имею право идти, куда пожелаю. А вы, если уж на то пошло, назовитесь сами.

Собственная смелость удивила её не меньше, чем солдата.

Командир несколько мгновений смотрел на неё, после чего усмехнулся.

— Командующий Морган. Королевство Валдиса. Эти земли находятся под нашим надзором, и, если быть точным, формально ты действительно не нарушила закон.

Пауза затянулась.

— Но магам здесь не рады, — добавил он наконец.

— Это свободные земли.

Морган покачал головой.

— Кто сказал тебе такую глупость?

— Это Чёрный лес. Он ничей.

— Ты не в Чёрном лесу, девочка. Он в нескольких километрах к востоку. Ты дезориентирована.

Кьяна резко обернулась. Позади не было ничего, кроме тёмного разлома в скале. Ни дуба. Ни следов лагеря. Ни малейшего признака того, что ночью она спала именно здесь.

Мысли спутались.

— У тебя три часа, — холодно произнёс Морган. — После этого ты покинешь пределы Валдиса. Сегодня я настроен великодушно, но при следующей встрече прикажу арестовать тебя.

— Поняла... Благодарю.

Солдаты вскочили на лошадей и вскоре скрылись среди деревьев.

Кьяна ещё долго стояла неподвижно, пытаясь осмыслить произошедшее. Затем, преодолев оцепенение, начала собирать разбросанные вещи — свои и чужие. Ей хотелось понять, что с ней случилось.

Тем же утром на другом конце Чёрного леса в укрытии среди корней поваленного дуба проснулись двое.

Лаурил поднялся первым и почти сразу заметил отсутствие Кьяны. В одно мгновение его клинок оказался у горла Канца.

— Где она?

Бандит замер, подняв руки.

— Полегче, брат. Я только глаза открыл. Откуда мне знать, куда делась твоя девица? Последний раз видел её ночью — спала вон там.

Он указал в сторону корней. Но место, на которое показывал Канц, было пусто. Исчезли не только Кьяна, но и все рюкзаки.

Лаурил оглядел лагерь. Следов борьбы не было. Следов крови — тоже.

Только отпечатки их собственных сапог.

— Что за чертовщина... — пробормотал Канц.

Они прочёсывали окрестности несколько часов, но безрезультатно. Ни клочка ткани. Ни сломанной ветви. Ни малейшего намёка на то, куда исчезла девушка.

— Как сквозь землю провалилась, — наконец выдохнул Канц. — Что теперь? В город?

Лаурил убрал меч в ножны.

— В город. Она найдёт нас сама. А если нет — я вернусь за ней, когда у меня будут люди и средства.

Канц прищурился.

— Жёстко. Ты ведь говорил, что она твоя половина.

— Она мне близка, но не настолько, как принято, — ответил Лаурил холодно. — Сейчас мне нужны ресурсы. В Рижцеффорте я получу всё необходимое, а потом найду её.

Канц хмыкнул.

— Ладно. Тогда сперва — город. Говорят, там варят лучшее пиво на всём континенте.

И они направились к Рижцеффурту.

...Кьяна же вернулась к месту своей ночёвки спустя несколько часов. Лагерь был пуст. По следам она быстро поняла, что мужчины ушли в сторону города.

Перед ней встал выбор. Она могла последовать за ними. Могла вновь отдать свою судьбу в чужие руки. Или же впервые пойти туда, куда вела собственная воля. Колебалась она недолго.

Где-то в глубинах Чёрного леса жили маги-отшельники — древние чаровники, о которых родители рассказывали лишь шёпотом. Если кто и мог объяснить, каким образом она перенеслась сквозь пространство, то только они.

Часть припасов пришлось оставить — нести всё в одиночку было невозможно. Затем Кьяна шагнула в чащу. Точного пути она не знала. Отец и мать никогда не называли ей местонахождение убежища, повторяя лишь одно: *«Когда придёт время, сердце само покажет дорогу»*.

И теперь она чувствовала это. Нечто внутри тянуло её вперёд. Не мысль. Не инстинкт. Нечто более глубокое.

Она шла через лес, минув странненькие растения и зверей с глазами цвета расплавленного янтаря, и с каждым шагом всё отчётливее ощущала, как мир вокруг меняется.

Дни текли незаметно. Усталость не касалась её. Голод почти исчез. Чёрные кроны редели, уступая место свету, воздух становился чище, а на открытых полянах её кожа начинала едва заметно мерцать под солнечными лучами. Глаза светлели. Сила внутри крепла. Кьяна знала: деревня магов близко. Сделав ещё несколько шагов, девушка раздвинула ветви и вышла к краю утёса.

Перед ней с оглушительным рёвом низвергался гигантский водопад. Белая стена воды обрушивалась вниз с такой мощностью, что дрожали камни.

Кьяна замерла. Это был тупик... Или вход.

6. Врата Рижецфорта

Лаурил остановился перед распахнутыми воротами Рижецфорта так, словно стоял на пороге иного мира.

За каменной аркой кипела жизнь, какой он прежде не видел: по широким улицам непрерывным потоком двигались повозки; люди и нурлаксы сновали между домами, спорили, торговались, перекрикивали друг друга, а над всем этим стоял плотный гул большого города — живого, шумного, растущего с каждым днём. Рижецфорт дышал.

— Ну же, идём, братец! — радостно воскликнул Канц, толкнув Лаурила локтем. — Мы всё-таки добрались!

Едва они вошли в город, как их поглотил людской поток. Со всех сторон раздавались голоса: одни предлагали жильё, другие искали рабочих, третьи просто расспрашивали, откуда прибыли новички. Слова сливались в единый гул, от которого у Канца через несколько секунд начало дёргаться веко.

С трудом пробившись сквозь толпу, они двинулись по центральной улице. По обе стороны тянулись ряды аккуратных домов, каждый из которых выглядел уже обжитым, хотя город, по словам Лаурила, ещё недавно считался строящимся. Между домами через равные промежутки уходили вглубь кварталов узкие переулки, а вдалеке над крышами возвышались шпили более крупных построек.

— И куда теперь? — буркнул Канц, оглядываясь по сторонам. — Жрать хочется так, что я готов обчистить первого встречного. Или, если повезёт, целый дом.

— Притормози, — спокойно ответил Лаурил. — Для начала нам нужно найти главное административное здание. Там распределяют новоприбывших.

— А где оно?

— Пока не знаю. Но если ты хотя бы раз в жизни попытаешься выглядеть прилично, кто-нибудь, возможно, согласится нам помочь.

Канц фыркнул.

— Ты наивен. Люди не становятся дружелюбнее только потому, что вокруг красивые дома. Особенно к таким, как мы.

— Я, возможно, действительно выделяюсь, — заметил Лаурил, окинув себя взглядом, — но ты вполне способен сойти за нормального человека, если приложить к тому хотя бы минимальное усилие. К примеру, избавиться от этой разбойничьей бороды. Посмотри туда — не парикмахерская ли?

Канц остановился так резко, словно его ударили.

— Ты издеваешься? Меня только после смерти побреют.

— Тогда считай, что ты уже умер, потому что в нынешнем виде тебя опознает первый же стражник. Твой портрет наверняка висит на каждом втором столбе под надписью: «Особо опасен. Найти. Поймать. Казнить».

Канц на мгновение задумался.

— Так это я, выходит, знаменитость?

— Нет. Это значит, что ты серьёзная угроза моему плану. После стрижки станешь новым человеком.

— Я сюда приехал начинать новую жизнь, а не терять остатки достоинства... — пробормотал Канц, затем тяжело вздохнул. — Хотя, если честно, спокойно ходить по городам я действительно давно не могу. Удивительно, что меня до сих пор не узнали.

— Может быть, уже узнали, — невозмутимо заметил Лаурил. — Возможно, прямо сейчас бегут за стражей.

Канц мгновенно выпрямился.

— Ладно. Жизнь всё же дороже принципов. Только скажи, у тебя хватит денег оплатить мою неземную красоту?

— Надеюсь, хватит.

Они направились к дому с изящно выкованными ножницами над дверью.

Спустя почти три часа из заведения вышел Лаурил, а следом за ним появился человек, которого было невозможно узнать. Вместо заросшего, растрёпанного разбойника с лицом висельника теперь был опрятный молодой мужчина с аккуратно подстриженными волосами, гладко выбритым подбородком и почти благородными чертами лица.

Канц медленно провёл ладонью по щеке.

— Слушай... Может, мне и имя сменить? Раз уж я теперь новый человек. Как тебе Юлий? Или Ганс? Нет... Христофор.

Лаурил устало посмотрел на него.

— Тебе вместе с волосами, похоже, удалили последние остатки разума. Документов у тебя нет, происхождения тоже, поэтому назовись хоть навозом — никому не будет дела. Просто води себя прилично.

— Зачем так грубо? — обиженно протянул Канц. — Я, между прочим, чувствую себя голым. Но имя всё-таки оставлю. Мать мне его дала. Царство ей небесное... — Он перекрестился. — Мир праху её, где бы ни мокли её кости.

Лаурил невольно усмехнулся.

Они продолжили путь, всё внимательнее изучая город. Изнутри Рижецфорт казался завершённым и удивительно упорядоченным: широкие мостовые, аккуратная брусчатка, симметрично разбитые кварталы и почти непривычное ощущение системы, словно каждый камень здесь лежал именно там, где должен лежать.

За очередным поворотом над жилыми домами возник высокий конусообразный шпиль из оранжевого кирпича. И в тот же момент им навстречу вышла молодая женщина.

Лаурил немедленно воспользовался случаем.

— Доброго дня, милая леди. Не будете ли вы столь любезны подсказать двум новопривышим путникам, где находится здание распределения?

Женщина окинула его долгим, холодным взглядом, затем перевела глаза на Канца и смерила обоих с головы до ног с таким выражением, будто перед ней стояли два подозрительных пса, внезапно научившихся говорить.

— День действительно добрый, — произнесла она сухо. — Надолго ли — вопрос открытый. Если в город начнут пускать таких, как вы, спокойствие здесь долго не продержится. Впрочем, старейшины разберутся. Либо сделают из вас порядочных мужчин, либо вышвырнут обратно за стену, где вам, вероятно, самое место. Идите прямо. Видите шпиль? Это и есть нужное вам здание.

— Ах ты дрянная!.. — Канц не успел закончить. Лаурил мгновенно зажал ему рот ладонью.

— Прошу простить моего спутника за отсутствие манер, — невозмутимо произнёс он. — В чём-то вы, возможно, даже правы. Благодарю за помощь. Надеюсь, мы ещё сумеем вас приятно удивить.

Он поклонился, развернул Канца и повёл его прочь.

Лишь когда они отошли далеко, тот с яростью вырвался из рук спутника.

— Я её запомнил.

— Лучше запомни другое, — спокойно ответил Лаурил. — Мы здесь гости. А гостям выгоднее заводить друзей, чем врагов.

И, не сбавляя шага, они направились к высокому шпилю — туда, где должна была решиться их судьба.

7. Испытание правдой

Парадная зала встретила новых гостей размахом, к которому ни Лаурил, ни Канц не были готовы.

Колонны поднимались так высоко, что терялись где-то под сводами, создавая ощущение, будто потолок упирается в само небо. В центре зала возвышался каменный фонтан, выполненный в виде миниатюрного водопада, а по обе стороны от него стояли статуи человека и нурлакса, пожимающих друг другу руки — символ союза, на котором, по замыслу создателей, должен был строиться весь Рижецфорт.

За монументом начиналась широкая мраморная лестница, уводившая в верхние уровни здания. По залу свободно передвигались нурлаксы, не обращая внимания на посетителей. Людям же позволялось входить сюда лишь однажды — в день официального оформления на службу городу.

После первичных формальностей путников сопроводили в комнату ожидания, а затем пригласили на финальное собеседование.

Проводить его должен был молодой старейшина по имени Крилл.

Несмотря на возраст, он уже успел завоевать доверие Совета и слыл среди своих удивительно рассудительным, проницательным и опасно решительным. Говорили, что в трудные минуты он принимает решения быстрее прочих старейшин и почти никогда не ошибается.

Перед массивными дубовыми дверями Лаурил и Канц заметно нервничали.

От этого разговора зависело, останутся ли они в Рижецфорте или уже к вечеру окажутся за его стенами.

Раздался звон колокольчика. Двери медленно распахнулись.

Перед ними открылся просторный зал, поддерживаемый шестью колоннами, с дубовым полом и длинным столом, окружённым стульями. В противоположном конце комнаты у камина стояло кресло, повёрнутое спинкой к вошедшим.

— Прощу, люди, присаживайтесь, — раздался спокойный голос.

Они заняли места подальше от хозяина кабинета. Кресло плавно развернулось. Перед ними сидел молодой нурлак с холодными, почти бесцветными глазами.

— Моё имя Крилл. Я старейшина Совета, и от моего решения зависит, останетесь ли вы в этом городе. Представьтесь. И главное — не лгите. Ложь я чувствую за версту.

Первым заговорил Лаурил.

— Для меня честь встретиться с вами, старейшина. Моё имя Лаурил. Я принадлежу к роду горных магов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.